

The background of the book cover is a composite image. The top half shows the Earth from space, with a bright blue atmosphere and a yellow sun partially visible behind the horizon. The bottom half shows the dark, cratered surface of the Moon. A white rectangular box with a black border is centered on the right side, containing the author's name, the title, and the genre.

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ПРОБУЖДЕНИЕ

РОМАН-МОЗАИКА

Владимир Васильев

Пробуждение. Роман-мозаика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43436095

ISBN 9785005019035

Аннотация

В романе представлена широкая панорама жизни человечества от ближайшего будущего до очень отдаленного. Взаимодействие человечества с обитателями других миров. Роман относится к жанру альтернативной истории. Автор описывает мир, в котором хочется жить. Отчасти это утопия, отчасти мечта, но утопия и мечта – очень реалистичные в деталях жизни. Книга адресована читателям любого возраста старше младшего школьного.

Содержание

Глава 1. Синдром Данаи	49
Глава 2. Селедка под шубой	99
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Пробуждение Роман-мозаика

Владимир Васильев

© Владимир Васильев, 2019

ISBN 978-5-0050-1903-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Васильев
(Василид-2)

Пробуждение
Роман-мозаика

*Когда-то мир разбился на осколки...
Кому дано их заново сложить?
Ведь это трудно, остро, больно, колко,
Но жить иначе значит, что не жить...*

Пролог. Под кайфом (ретро)

Воробышке нынче зябка:

*Не «чирик», а «динь-дилинь»
Колокольцем ледяным
Он Зиме звонит украдкой
И Весну торопит лапкой...*

Как же мы похожи с ним!..

Воробей ловко уселся на раме раскрытой форточки и с интересом посмотрел в комнату. Люди, которые вечно мешают жить своими страшными лапами, в помещении были, но вели себя странно – не суетились, как обычно, нороя наступить на благородную птицу, не чирикали громогласно и нечленораздельно, пугая птенцов и нервных воробьиц. Один лежал на диване, уставившись в потолок. Глаза его были прищурены, а взгляд напряжен, словно он целился для выстрела. По телу же пробегала мелкая дрожь, что для выстрела совсем не подходило. Впрочем, руки были вытянуты вдоль тела и плотно к нему прижаты.

Второй сидел за столом, откинувшись на спинку кресла, и напряженно целился взглядом в стену. Тело его тоже подрагивало, словно внутри работал генератор вибрации.

На птицу они не обращали ни малейшего внимания, что было полезно, хотя и оскорбляло слегка. Польза же проистекала из того замечательного факта, что на столе в хрустальной вазе аппетитной горкой звали к трапезе лущенные семечки подсолнуха. Воробей буквально ощутил их вкус в клюве. И даже приятную сытость в желудке. Хотя пока было не с че-

го. Уже с час макового зернышка в клюв не попадало. Потому что люди с раннего утра вели себя странно, словно кто-то скомандовал им: «Замри!», и они застыли в том положении, в каком их застал приказ. Ну, не совсем. На самом деле, все они приняли удобное положение «сидя» или «лежа» и погрузились в транс. Так и воробьи делали, когда получали предупреждение типа «кот идет!» или «сова летит!» – если не успел смыться, лучше всего замереть. Вот только к людям никакой кот не приближался, а они сидели, лежали в автомобилях, домах, на скамейках в парках. Не двигалось ни одно транспортное средство ни на земле, ни на воде, ни в воздухе. Но при этом они не ели, не пили, а значит, не крошили на стол, на пол, на землю и от щедрости душевной не сыпали на тротуары ничего съедобного, которое у воробьев перехватывали наглые обжоры-голуби, но и у воробьев клюв не промах – успевали взять свое... Воробью показалось, что стало холодно, хотя солнышко светило и цветочки цвели.

Воробей любил это здание, которое люди называли Бурдж Халиф. Его щедрые и веселые обитатели неизменно восторгались, когда видели воробья в окне. Восторгались и щедро отсыпали птице корм. Он один из стаи решался на столь рискованное восхождение. Надо честно признаться – это были совсем не воробьиные высоты. А ему они нравились – дух захватывало и хотелось чирикать изо всех сил. Хотя дыхания на это не всегда хватало. А уж вид открывался, прямо

скажем, орлиный. Воробей подозревал, что в прошлой жизни он был орлом, или в следующей будет. Иначе, как можно объяснить восторг, переполнявший его душу?

Сегодня все окна и прочие отверстия в окнах были закрыты. Воробей-высотник уж было отчаялся и подумывал, не отправиться ли ему восвояси поближе к земле, раскаленной и безжизненной. Но вдруг ему повезло – на самых верхних этажах, где-то в районе стопятидесятого, оказалась неплотно закрытой створка окна. Туда он и протиснулся.

– Чик, – скромно подал он голос. – Чирик-чик-чик, мол, не будете ли возражать, если я посетую ваше благословенное жилище?

Никто не возражал, но и «добро пожаловать» не прозвучало. Пришлось впорхнуть без приглашения. Сначала он отдал должное семечкам подсолнуха. Потом заметил, что на стеклянном столе причудливой формы стояла синяя ваза с кистью винограда. Воробей обожал виноград и не мог сдержаться. Он спланировал прямо в вазу и принялся клевать ягоды. Это было нечто! Примерно так воробьи представляли себе рай. Выходит, что воробьиный рай расположен весьма высоко и не каждому доступен. Уж трусу и лентяю его вовек не достичь.

Насытившись, воробей забеспокоился – уж очень странной была тишина. У людей такой не бывает: или сами шумят, или из светящихся окон, стоящих почему-то на столе, звуки несутся. А тут полная тишина, только легкий шорох

ветра в проеме окна. Тревожно как-то, хотя с другой стороны, опасаться воробью нечего и некого. А все равно чувствовал он, что все не так, как обычно. Он облетел все комнаты – никого не нашел. В одну из комнат дверь была прикрыта, но не плотно. В щель пробивался свет, но влететь туда не получится – узко. Еще оттуда пахло лужей или фонтаном. Воробей спустился на пол и, быстро перебирая лапками, направился к щели. Осторожно просунул голову – спокойно, хотя вода бурчит где-то наверху. Он протиснулся целиком, дверь легко подалась. Опять никого. Он взлетел на бортик белой стены, за которой и слышался шум воды, и чуть не соскользнул на другую сторону прямо в воду – скользко было на гладком бортике, ибо мокро.

Прямо перед ним были люди. Он чуть не свалился от страха на пол – так близко к людям он никогда не осмеливался приближаться. Но они почти не шевелились и не обращали на храброго воробьишку никакого внимания. Они и друг друга не замечали. Их было трое: две женщины, длинные черные и длинные светлые волосы которых покрыли почти всю поверхность пузырящейся воды, волнуясь вместе с ней, и один бородатый черноволосый мужчина. Так вот, смотрели они не друг на друга, как можно было ожидать, а мимо, благо стен, в которые мог уткнуться их взор, было для каждого три. Но показалось воробью, что они и стен перед собой не замечают, а смотрят сквозь них напряженно и сосредоточенно, словно просверлить пытаются взглядом. Он не понял:

то ли из-за пузырьков, выскакивавших из-под воды, то ли сами по себе, но все трое мелко дрожали, как от озноба. Может, и правда замерзли? Хотя от воды заметно поднималось тепло. Но кто этих людей знает – может, для них это и не тепло вовсе? Странные они.

Вдруг мужчина повернул лицо к воробью, и они встретились взглядами. Нет, это воробей разглядел его взгляд, а мужчина смотрел сквозь и мимо. Но все равно воробьишку будто смело с бортика. Он еле успел расправить крылья и спланировать на пол, а то бы к позору своему птичьему покалечился при падении. Не желая дальше испытывать и так щедрую к нему сегодня судьбу, воробей поспешно протиснулся через щель обратно на сухой пол, взлетел и, благодарно чирикнув, выпорхнул из человеческого жилища. Свобода – чик, свобода – рик, свобода чик-чирик... Только холодно почему-то.

Люди в желтых одеяниях, очень много людей – они заполнили громадную площадь – стояли неподвижно, выстроившись в идеально ровные ряды и шеренги, словно изваяния, которым сунули в руки большие горящие свечи. Лица их выглядели совершенно отрешенно, а глаза были устремлены вдаль, скорее, в небесную даль, но не вверх, а к горизонту, словно они видели что-то там, за ним. Воробью, сидевшему на фонарном столбе, отчего-то стало не по себе. Видел он и раньше людей в таких одеяниях, и они всегда были

к нему добры – насыпали на землю каких-нибудь зерен и никогда не прогоняли. Сейчас от них исходил неживой холод. Хотя свечи горели настоящим пламенем. Воробью было тревожно, и хотелось улететь отсюда, но он боялся, что не долетит до края толпы, а спускаться на свечи боязно. Разве что кому-нибудь на плечо сесть. В случае чего огонь крыльями затушить можно. Но он решил пока не торопиться. И на фонаре неплохо, вполне можно подремать на сытый желудок. Он спустил перья и попытался прикрыть глаза, однако почему-то не получилось. Только-только начали смежаться веки, как перед внутренним взором возникло нечто страшное и невообразимое – громадный кусок мерзлой тьмы, внутри которой застыл замороженный он сам. Это уже не чик-чирик, а кич-кирич и сыч знает что такое!

Воробей еще раз внимательно посмотрел на площадь – ему показалось, что по стройным рядам пробегают волны судороги, словно этих людей кто-то пытается поломать изнутри. Так рожают животные и так пожирают, заглатывая целиком. Судороги на грани жизни и смерти.

Воробей решился и полетел. Он каждым своим перышком ощущал опасность и был уверен, что если не полетит сейчас, то уже никогда не полетит, а останется в куске мерзлой тьмы, не понимая, что она такое есть. Лететь было трудно – казалось, что воздух загустел, а встречный ветер изо всех сил сопротивляется полету. Но воробей был не из тех, кто легко сдается, он махал крылышками и преодолевал враждеб-

ное пространство над бритыми человеческими макушками. На них-то он и присаживался, когда совсем уставал. Это было самое безопасное место: руки у людей были заняты свечой, поэтому им нечем было согнать воробья, а на плече они легко могли зажать его между плечом и головой и покалечить. Впрочем, никто не реагировал на воробьиную оккупацию лысин. Никак, словно это были на самом деле изваяния. Но он-то чувствовал живую кожу и дыхание, хотя и очень странное, сильно замедленное – живые люди так не дышат. А неживые совсем не дышат.

Но долго воробей не позволял себе отдыхать: сел, стряхнул усталость с кончиков крыльев – и дальше. Он все сильнее опасался, что не долетит до мест, где почувствует себя птицей. Ему все отчетливее казалось, что он – рыба, пытающаяся плыть по густому и тяжелому, как вода, воздуху. Но если рыба в воде чувствовала себя прекрасно, то воробьишке было плохо. В обычном состоянии он преодолел бы это расстояние с первого раза, максимум – в два приема. В этот раз ему понадобилось десять перелетов с передышками. Он тяжело приземлился, почти рухнул, на густую зеленую траву и потерял сознание. Бездомная кошка, следившая за ним голодными глазами, расширенными от вождления, бесшумно подобралась к нему, понюхала и испуганно отшатнулась – аппетит сразу пропал. Воробей по всем признакам был живой, но от него разило смертью.

– Фр-р-р! – фыркнула кошка и потрясла головой, будто

отряхиваясь от ужасного запаха. Она попятилась и быстро скрылась в зарослях.

Воробей любил посещать этот детский сад – его заведующая придумала и не поленилась воплотить придумку в жизнь, кормить детей на свежем воздухе. Под навесом от дождя, но и он был натяжной – нажал на кнопочку, и крыша тут как тут. Конечно, дети отвлекались от еды, но призыв есть наперегонки с воробьишками и голубями, которые паслись здесь же, коровы летающие, моментально возвращал им аппетит. Было у воспитательниц множество и иных уловок и стимулов. Так что воробьишка исправно появлялся здесь ко времени трапезы, осознавая свою незаменимую педагогическую роль. К роли он подходил творчески, чем неизменно радовал детей: то на столик детский залетит и покажет деткам, что такое хороший аппетит, а то и на краешке тарелки воссядет и клювом покажет самый вкусный кусочек. Детки были в восторге и старались вести себя идеально, чтобы не привлекать внимания воспитательниц, которые, замечая антисанитарные, на их взгляд, импровизации воробья, стремились отогнать его. Хотя не очень строго, понимая, что он им помогает. А детки всегда подкидывали ему и вкусные крошки, и кашу, и он подавал им хороший пример, никогда ничего не оставляя.

Сегодня он с отличным настроением прилетел в детсадовскую летнюю столовую, предвкушая вкусное и полезное

во всех отношениях времяпрепровождение, и был поражен тишиной, которая висела над детскими столиками, как туча над землей, обещая ей скорый ливень. Голуби бестолково топтались по полу, растерянно вертясь вокруг своей оси в поисках, чего бы поклевать, но ничего не было – пол подмели, а тарелки еще не наполнили. Воспитательницы сидели за своим столом, а дети за своими и странными взглядами смотрели на дно пустых тарелок. Воробей взлетел на ближайший столик, сел на краешек тарелки, даже спрыгнул на ее дно и постучал клювом – да, ему не показалось, тарелка была пуста, клевать было неприятно. Он перепрыгнул на ручку девочки, возле которой эта тарелка стояла. Обычно такие его экзерсисы вызывали бурный восторг детей, но сейчас никто не отреагировал, даже девочка, продолжавшая изучать дно пустой тарелки так, будто там ей показывали что-то, невидимое воробью. Он легонько постучал клювом ей в ладошку – никакой реакции. При этом, сидя на руке, он ощущал легкую частую вибрацию – девочка дрожала, будто озябла.

Голуби, шумно захлопав крыльями, взлетели и скрылись в поисках более питательного места. На них тоже никто не отреагировал. Воробышке это очень не понравилось. Не могли же они все сразу заснуть! Он знал, в окно видел, что дети спят совсем в другом месте в кроватках, застеленных белым. И лица у них при этом совсем другие.

Тогда он придумал номер «бедный воробышек» и испол-

нил его: прыгнул в центр стола и якобы упал, перевернувшись в падении на спину. Дрыгнул несколько раз лапками и затих, прикрыв глаза. Стал ждать – дети должны были запищать и броситься его спасать, но стояла мертвящая (во – правильное слово придумал воробей!) тишина. Он приоткрыл один глаз, потом другой – никто не смотрел в его сторону. Далось им это дно тарелки! Воробей обиделся и улетел в сторону кухни. Окно было приоткрыто, и из него вкусно пахло.

– Чик? – попросил разрешения влететь вежливый птиц.

Никто не ответил. Повара сидели по всей кухне: кто на табурете, кто на стуле, кто на длинной скамье, кто на перевернутой вверх дном кастрюле. Плита была выключена – от нее еще шло тепло, но остывающее. Вот на плиту все повара и смотрели. Что-то с ней случилось? Остывает. Воробей заметил горку крупы в тазу и приободрился: странности людей, в конце концов, их проблема, а ему питаться надо и свой род продолжать. Он спорхнул с окна на стол, где стоял таз, и принялся аккуратно клевать рис. Как жаль, что желудок такой маленький! Перегрузишься – потом не взлетишь. А он и не жадничал – поклевал чуток и чирикнул: – Благодарствую! На воробьином языке, разумеется: – Чик-чирики-рики-чики... Только его и видели...

Воробей улетел, а шеф-повар, его не заметивший, зачарованно смотрел на буханку черного хлеба, которую держал

в руках, медленно от нее откусывая. Он помнил, что сначала отрезал от буханки ровные кусочки и с удовольствием ел их, намазывая то маслом, то горчицей, то мёдом, то сгущенкой. Да и просто без ничего есть его было обалденно вкусно! Он и ел без зазрения совести – аппетит у него был отменный. И сила в нем бурлила, кипела и переливалась через край. Но когда осталось меньше половины буханки, примерно треть, он вдруг почувствовал, что с каждым съеденным кусочком сил у него убывает, и ничего не бурлило и не переливалось. Тогда он попробовал умерить аппетит, перестал отрезать большие куски, а только отщипывал от оставшейся горбушки маленькие кусочки и медленно старательно разжевывал их, перетирал языком, стараясь прочувствовать вкус, и только потом проглатывал с обреченным сожалением. Он пытался голодать, то есть не отщипывать хлеб, но начиналась такая ломка, что разум отключался, и голодная плоть оттяпывала большой шмат, который он в здравом разуме никогда бы себе не позволил. Когда осталась тоненькая краюшечка, повар понял, что это остаток его жизни. Ещё чуть-чуть и... Он так и застыл с открытым ртом и обкусанным-общипанным кусочком хлеба в руке...

А девочка Лена, которую пытался разбудить воробышка, с удивлением наблюдала за тем, как превращается в бабочку – в красивую-красивую бабочку с большущими полупрозрачными крыльями ярко-синего цвета. Началось это

с щекотного ощущения в лопатках. Лена принялась шевелить ими, чтобы почесать о платье, кончилось это тем, что платье именно ярко-синего цвета вдруг начало сползать с нее назад, пока не натянулось на то, что вылезало из лопаток, став крыльями бабочки. Тело стало покрываться золотистым пушком точно такого же цвета, как волосы на голове. Что происходило с головой, девочка не видела, а вот руки и ноги принялись истоньшаться, превращаясь в лапки.

Лена совсем не пугалась происходящих с ней изменений, наоборот, было интересно, что будет дальше. Еще она чувствовала, что скоро сможет полететь, а летать она всегда мечтала, зачарованно наблюдая за полетом птиц, бабочек, стрекозок. Поэтому испытывала некоторое нетерпение, понимая, что ускорить процесс она не может.

Когда рядом с ней появился громадный воробей, Лена испугалась и застыла, боясь пошевелиться и понимая, что эта страшная птица запросто может ее съесть. Она не раз видела, как птицы на лету заглатывают стрекоз и бабочек. Пусть это были не воробьи, а стрижи и майны, она нисколько не сомневалась, что и для воробья это труда не составит. Точно! Вот он наступил ей на лапку и коснулся клювом! Всё!.. Нет, почему-то он не стал ее есть и улетел. Стало легко и свободно. Лена опять смогла сосредоточиться на преобразении. Она уже могла шевелить крыльями и предвкушала, как взлетит. Она уже даже приготовилась к главному взмаху, и вдруг ясно поняла, что как только взлетит, сразу перестанет быть де-

вочкой, а навсегда станет бабочкой. И занесенные для взлета крылья застыли в нерешительности...

Бомж Домовой возлежал на трех матрасах, постеленных друг на друга «бутербродом», как любил выражаться их достойный во всех отношениях владелец. Подвал, где он обитал, был крут. Так сказать, дворец подвалов, а фактически подвал дворца финансового императора всея Евразии Ивана Андреевича Крылова – полного тезки и, гипотетически, дальнего потомка великого баснописца. Банкир весьма гордился этим родством, которое не купил, как можно было бы гнусно предположить, а установил путём немалой серии генетических экспертиз, обошедшихся ему в копеечку, на несколько порядков превышавшую возможные затраты на альтернативную покупку родства. Ему это было нужно не для «понтон», а для самоуважения, мол, не из грязи в князи, как большинство нынешних «хозяев жизни», а по праву родовой незаурядности. Он гордился тем, что, как великий предок, сам себя сделал, а не возрос на перегное родительских достижений. Родители были учеными: отец – крупный экономист, мать – математик. Оба доктора наук. Поначалу стал ученым и он, но вскоре пошел в консультанты к нефтяному магнату, что вызвало неудовольствие отца и даже некоторый бойкот с его стороны. Однако явные финансовые успехи нефтяного магната примирили отца и сына – отец признал, что сын нашел свою тропу. А со временем руковод-

ство банком при магнате перешло во владение банком, который по-прежнему финансировал магната, но уже при иной расстановке сил. А еще позже банк стал крупнейшим в Евразии.

Родство с баснописцем незаметно стала «пунктиком» банкира, он наизусть знал многие его басни и постоянно использовал в общении даже с иностранными партнерами, что, с одной стороны, вызывало их первоначальный шок, а с другой, убеждало в оригинальности и образованности, что всегда считалось позитивным фактором. Частенько, общаясь с женщинами, особенно, в неофициальной обстановке он мог сказать: «Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки!». «Голубушке» оставалось только смущенно улыбаться. Во время застолья он неоднократно и весьма уместно провозглашал: «А я скажу: по мне, уж лучше пей, да дело разумей».

И знакомство Ивана Андреевича с бомжом состоялось именно на почве басноведения. Когда охрана обнаружила непрошеного вонючего гостя в подвале и принялась шумно его выпроваживать, банкир стал случайным свидетелем акта выдворения и, заинтересовавшись, остановил процесс.

– Вы что делали в моем подвале? – спросил он вежливо, ибо иначе не привык.

– Какой-то домовый стерег богатый клад, – неожиданно ответил бомж строкой из басни и тем сразу вызвал симпатию домовладельца.

– Так вы домовой? – улыбнулся он.

– Совершенно верно, – подтвердил бомж. – Только давно без дома. Хотел у вас поселиться...

– А откуда басни знаете?

– Из книг, вестимо, – усмехнулся домовой. – Диссертацию я писал по мировым баснописцам, сравнительный анализ, взаимосвязь и оригинальность, тенденции баснеписания в исторической перспективе и в современном мире.

– А они есть и в современном мире? – искренне удивился банкир.

– А как же? Конечно, есть! Басня бессмертна.

Ивану Андреевичу стало интересно. Соображал он быстро, и провозгласил:

– Любезный домовой, я прошу тебя стать хранителем этого дома, прошу поселиться в том помещении, которое ты выбрал сам, – он перешел на «ты», потому что разговаривать с домовым на «вы» ему показалось противоестественно. – Но у меня есть условия.

– Внимательно слушаю, – заинтересовался бомж.

– Ты должен немного цивилизоваться, то есть соблюдать санитарно-гигиенические нормы, условия для этого будут созданы. И не пугать детей и гостей.

– Да с превеликим удовольствием! – воскликнул кандидат в домовые. – Условия творят с разумным существом чудеса, неважно, человек он или домовой.

– На том и постановим! – заключил хозяин. – Срочно

оборудовать в подвале санузел и прочую бытовую инфраструктуру, поставить домового на довольствие и относиться к нему с уважением. Он под моей личной защитой! Все! Мне пора, исполнять!..

Исполнили. Домовой оказался в раю, возникшем в отдельно взятом подвале.

И теперь он возлежал на упомянутых трех матрасах, вперив взор в свод подвального потолка, будто видел сквозь него нечто интересное во внешнем мире. А может, и во внутреннем? Он у него богатый, есть на что посмотреть.

На самом деле, наблюдал он действительно нечто интересное, можно сказать, даже сказочное, но несколько этому не удивлялся. Став законным обитателем райского подвала, он уже ничему не удивлялся и с удовольствием входил в роль. И наблюдаемое нечто вполне соответствовало процессу вхождения в роль. Бывший бомж, а ныне Домовой превращался в настоящего домового. Ну, настоящего домового никто из людей не видел, ибо не дано им это, но происходящее приблизительно соответствовало интуитивным представлениям и художественному вымыслу. Возможно, вымысел становится художественным, когда, хоть в некоторой степени, соответствует реальности? Нет, в гномика или иного «малорослика» он не превратился, но с телом что-то происходило – он перестал ощущать его бремя, а потом и тяжесть, но по-прежнему видел себя. При этом не взлетел воздушным шариком, как можно было ожидать от потерявшего вес,

а продолжал возлежать на матрасах. Ему то ли показалось, то ли так было на самом деле, но он все отчетливей ощущал себя этим домом. Странное ощущение – нет, он не считал, что фундамент – его вросшие в землю ноги, а чердак с крышей – голова, он прекрасно различал себя и дом, но все больше чувствовал его во всех подробностях: где что потрескалось, где перекосилось, а где в полнейшем порядке. И, главное, он видел и чувствовал все происходящее в доме, словно обычные стены превратились в стены с ушами и глазами и прочими органами чувств. Если бы он оставался человеком, то соглядатайство его, несомненно, смутило бы, но он всё больше превращался в домового, а это хранитель дома, отвечающий за лад в нем, как физический, так и духовный, и посему ни малейшего смущения не испытывал. Более того, он видел, что все обитатели дома находятся в странном, явно нездоровом состоянии: кто лежит, кто сидит, отключенный от реального мира, и испытывает негативные эмоции в отношении этого мира, точнее, его обитателей, откровенно желая им смерти. Даже не желая, а приказывая им умереть в настоящее же мгновение. Впрочем, не всем, а исключительно чужим, имеющим иной ай-ди, то есть личный идентификатор, не содержащий «своего» набора символов. Страшнее было то, что и на психику «своих» давил такой же приказ со стороны «чужих». Домовой чувствовал это на себе, потому что и ему было приказано умереть. Только он не мог, прежде не защитив домашних. Домовые – они такие. А еще он чув-

ствовал, что он не один – их, домовых, много, почти в каждом доме, а обитатели тех домов, где нет домового, обречены подчиниться приказу, если их не возьмут под защиту домовые других домов. А хватит ли у них энергии не только на свой дом? И так он изо всех сил защищал своих домашних и себя, потому что ему никак нельзя было умирать – они же без него пропадут.

Домовой прислушался к себе и понял, что немалая часть энергетических затрат уходит на то, чтобы поддерживать приказ «чужим» умирать. Причем этот приказ шел не из его души-разума-чувств, а извне, хотя из своего «извне», которое объединяло всех «своих» в единое целое, пока еще с трудом живое. И он понял, что должен выбрать – на все его сил не хватит, а что для домового главное? Главное – спасти свой дом, иначе никакой он не домовой, а бомж-приживала, самозванец и нахлебник. И он решился, чувствуя категорическое несогласие руководящего «извне». Домовой решительно подавил в себе приказ «чужим» умереть. На самом деле подавил, ибо не ощущал ни малейшего желания их смерти. Он и до этого не понимал, откуда оно и зачем ему нужно, а теперь чувствовал, что желает им всяческого здоровья и благополучия. Как ни странно, он перестал ощущать и обращенный к себе приказ: «Умри!». Он свободно вздохнул и почувствовал необычайный прилив домовских сил – теперь он многое мог и для домашних и для соседских. И первое, что он попытался сделать, это подавить в домашних же-

лание смерти чужих. В конце концов, они не виноваты в том, что некто присвоил им неправильный ай-ди! Был неправильный – будет правильный.

Но не так-то просто это оказалось! Для себя он был носителем воли, которая имела высший приоритет для собственной психики, а для домашних он тоже был кем-то «извне», обладающий гораздо меньшей силой воздействия, чем глобальное «извне», чем два глобальных «извне». Но он не растерялся, почувствовав, что имеются некоторые позитивные тонкости. Например, глобальные «извне» были направлены противоположно, а потому частично нейтрализовали друг друга, поэтому даже слабое воздействие, типа бабочки, севшей на коромысло, могло изменить равновесие. Во-вторых, он хоть и был внешней силой для домашних, но не совсем – он был носителем не их собственной воли, но воли родной, не враждебной. То есть некоторый приоритет при их личном выборе у него все-таки был. Только надо было очень тонко, ненавязчиво им воспользоваться. За два года пребывания домовым он очень неплохо этому научился. Главное – высываться из подвала редко и вовремя. И общаться с подопечными индивидуально.

Андрей Иванович Крылов семи лет отроду был настоящим бойцом – сейчас он стоял насмерть против троих местных беспризорников. Они постоянно на него охотились, улучая момент, когда рядом нет охранников. Да Андрей и сам

старался от них избавиться. Во-первых, достал постоянный надзор, во-вторых, он уже взрослый, сам за себя постоять может, в-третьих, даже маленький воробей свободен, а человек тем более должен быть, по крайней мере, воробьем, если уж орлом не получается.

Он выбрался за периметр усадьбы через подкоп под металлическим забором на помойных задах территории. Подкоп сделали бродячие псы, подкармливавшиеся на помойке, пока мусоровоз ее не очищал. Андрей только немного углубил лаз.

Охотники на барчука дали ему удалиться от забора в лес, чтобы крики не привлекли охрану, и молча набросились сразу с трех сторон, пытаясь надеть ему полиэтиленовый мешок на голову. Нет, убивать его в их планы не входило, только припугнуть хорошенько и лишиться воли к сопротивлению. Однако Андрей почуял их приближение, и, когда мешок уже был готов надеться на голову, резко присел и, прокрутившись на одной ноге, другой сделал подсечку. Нападавшие запутались друг в друге, потому что пацан с мешком упал, промахнувшись мимо головы, другой – упал после подсечки и сбил с ног третьего.

Андрей тоже не собирался наносить им вред, поэтому не воспользовался беспомощностью напавших, а встал в оборонительную стойку, ожидая, когда они поднимутся. Стойки он знал, потому что с пяти лет по настоянию отца занимался самбо, во-первых, в секции, во-вторых, дополни-

тельно с охранниками, которые его очень любили и делились своими боевыми секретами. Но знал не только стойки, но и неплохо (юношеский первый разряд) владел самым самбо и просто приемами драки без правил – от охраны.

Он не спрашивал, что им нужно, и так ясно: унижить и ограбить. У него не было практически ничего, чем можно было поживиться, он гулять шел, а не в супермаркет. Впрочем, был небольшой складной нож, явно дорогой. Ему не было жалко ножа – мог бы и отдать, но позволить унижить себя Андрей не мог.

– Идите своей дорогой, и вам ничего не будет, – предупредил он поднимающихся ошеломленных неожиданным падением пацанов.

– Зато тебе будет! – окрылся самый крупный из троицы и вытащил кинжал из-за пояса, где скрыто под брюками висели ножны. Похожие, но дорогие висели в отцовской коллекции азиатского холодного оружия.

Андрей понял, что это не игрушка. Двое других взяли в руки палки – заранее приготовили, паразиты. Андрей тоже стал боковым зрением отыскивать палку. Умелые руки – хорошо, но против лома, пусть и деревянного, нет приёма. На самом деле есть, но количество тоже имеет значение. Палка на глаза не попадалась, а кинжал приближался, парочка с палками пыталась зайти со спины. Андрей вынужден был активно пятиться. Вдруг он споткнулся, но удерживаться от падения не стал – наоборот, сгруппировался, в падении

зачерпнул в две горсти песчаной почвы, сделал кувырок назад так, что удары палками пришлись по пустому пространству и по земле. Но тот, что был с кинжалом, разгадал акробатические этюды Андрея и в три энергичных прыжка настиг его и замахнулся для удара. Андрей швырнул в лицо ему горсть песка. Тот взвыл от злости и принялся вытирать глаза. В пару движений Андрей отобрал у него кинжал, но тут подоспел удар палкой по спине, и Андрей чуть на задохнулся от неожиданной боли и внутреннего спазма. Но ноги на автомате увели его из-под следующего удара, а там и дыхание выровнялось, и боевая сноровка опять заработала. Парочка наступала в две занесенных палки, корча страшные рожи. Чувствовалось, что они его побаиваются. Это хорошо – их реакция искажена, но вряд ли от этого легче. Впрочем, они были сильны, но глупы: Андрей швырнул в их мало интеллектуальные рожицы пригоршни песка и земли, приложился палкой по звонким пустым головам и возвысился над тщедушными телами бездомных пацанов. Ему было их жаль слегка. Пацаны-то понимали, что им никогда не встать рядом с ним, потому что их миры практически не соприкасаются, разве только вот так – подкараулив в кустах. Их ненависть к нему – это война миров. И он не собирался проигрывать эту войну. Андрей вдруг ощутил прилив энергии и агрессии: они хотели унижить его, теперь он унизит их, покажет им их истинное место – в грязи у его ног с мольбой о пощаде.

И он принялся изо всех сил охаживать их палкой, кото-

рую они приготовили для него. Тяжеленькая такая, увесистая... И чем дольше бил, тем больше ему это нравилось, тем глубже он погружался в иступление. Никогда прежде не было у него таких садистских наклонностей, он не узнавал себя, но удовольствие получал глубокое и незнакомое. Пациенты давно уже не сопротивлялись, а только сжались в окровавленные комочки и глухо постанывали. Андрей вспомнил, что у него есть кинжал и собственный нож – пришла идея проверить, каково это, когда лезвие входит в живую плоть. В конце концов: кто с кинжалом придет, тот кинжалом и порезан будет.

Он достал из кармана складной нож и раскрыл его, а из-под ремня вытащил отобранный кинжал. Присел. Избитые не шевелились. Возникло сомнение – вонзять с размаху или медленно, наблюдая, как остриё уходит в тело? Странное сомнение – убивая, убивай!..

«Маньяк я, что ли?», холодно подумал он и решил опробовать оба способа. Занес кинжал для удара, закричал с ощущением внутреннего восторга: «Умри!!!» и вдруг почувствовал, что не может сдвинуть руку, словно она вросла в бетон. Подергался – ничего не получается. Тело дергается, а рука – ни на миллиметр. Попробовал пошевелить рукой со складным ножом – то же самое. И тут Андрею стало страшно. Во-первых, от своей скованности чем-то невидимым и оттого еще более леденящим. Во-вторых, до него вдруг дошло, во что он совсем недавно превратился, и эти темные глу-

бины его испугали не меньше, чем внешнее вмешательство. Оно-то как раз нелогично осозналось чем-то спасительным. Андрей понял, что всего одно движение руки отделяло его от собственной смерти. Опять нелогичный вывод, но прочему-то он был уверен, что, убив первого же пацана, убил бы себя, а убив остальных, лишился бы всякой возможности воскрешения. Какого такого воскрешения?..

Руки вдруг обрели подвижность, и занесенный кинжал выпал из разжавшейся ладони, воткнувшись острием в землю. Андрей заткнул его за ремень, а нож сложил и убрал в карман. Присмотрелся к своим жертвам – вроде дышат. Надо оказать первую помощь и скорую вызвать!

Домовой понял, что этот спасен. Пора приниматься за следующего.

Мадам Луиза де ла Манш проснулась в своей роскошной постели от того, что слышала ласковый мужской голос. Давно она не слышала столь приятных мужских голосов. В первый момент она даже не осознала, о чем он просит или чего требует, просто, сердечко ее неровно забилось, и к лицу прилила кровь. Но в следующий момент она уже осознала суть его просьбы-приказа:

– Умри! – бархатным баритоном нежно просил он. – Умри – и мы будем вместе...

– Кто ты? – испуганно и одновременно очарованно про-

шептала она.

– Умри-и-и, – призывно умолял он, и она почувствовала, как холодеют кончики пальцев на ногах, хотя лицо по-прежнему горело. – Умри-и-и... – и это звучало для нее, как «Я люблю тебя», даже как: «Я хочу тебя». Ее давно уже никто не хотел. Не было у нее домового, и, вообще, никого не было. Поэтому она подчинилась мольбе-приказу: холод быстро распространился от кончиков пальцев ног и рук к сердцу и мозгу. Она упокоилась с блаженной улыбкой на лице.

Прапорщик Петров был военным человеком, причем, не по контракту, хотя оный имел место, а по душе: дед был военным, отец тоже был, вот и он теперь. И все прапорщики – главные люди в армии. Прапорщик Петров был дисциплинирован не формально, а по конструкции психики. Поэтому, когда в голове его раздался приказ: «Умри!», он моментально и умер, даже не успев включить инстинкт самосохранения. Не было у него этого позорного инстинкта. И не было числа «прапорщикам Петровым»: «сержанты Смиты» тоже ими были, как и «капралы Асан, Бюжо и Валуа». К сожалению, аналогично себя повели военнслужащие и других воинских званий вплоть до генералитета, кроме рядовых срочной службы, которые к воинской дисциплине приучены еще не были.

Домовые в армии не служат.

– О Господи Аллах, защити меня от зла моих грехов, от больших несчастий и загробных мук. Защити от унижающего меня нрава, от друга, приносящего мне вред, от надежд, отвлекающих меня от Тебя, и бедности, заставляющей забыть Тебя. Защити меня и от богатства, что может погубить меня!

Умертви меня мусульманином и оживи мусульманином. Одари меня милостью Своей и защити от кары Своей, о Аллахах.

Если мне лучше жить, оставь меня живым, если же мне лучше умереть – умертви меня. Умертви же меня, о Аллах, умертви меня... умертви меня... умертви меня... – бормотала вслух и про себя толпа молящихся вокруг Каабы. Сначала они обращали свою молитву к Аллаху, сложив молитвенно руки на груди, потом склонялись на коленях в земном поклоне. Не все распрямлялись – Аллах не мог отказать в столь искренней и глубокой мольбе, но ко многим он послал Пророка Мухаммада, которого люди могли воспринять, в отличие от Аллаха, человеческому восприятию недоступного.

– О, досточтимые единоверцы мои! – обратился Мухаммад к каждой душе, жаждущей слова Истины. – Бог, нас сотворивший, совершал чудо сотворения не для того, чтобы мы умирали до того, как он решил, что мы достойны предстать пред ним. Грех молить о смерти сотворенным для жизни! Когда придет ваш час, ОН не заставит ждать. Мольба о смерти от Иблиса! Воистину Иблис – владыка мертвых,

от которых отвернул свой лик Аллах. Он торопит вас, чтобы завладеть вами! Отверните свои души от него и повернитесь к Аллаху! Он милостив и милосерден, и вернет вас к жизни, дабы вы нашли свой путь к нему. Да будет так!..

И стало так! И оглохли люди для призыва к смерти и стали жить.

– ОМ ШРИ ГАНЕШАЯ НАМАХ, – звучало над полем в сотню тысяч голосов и сотню тысяч разумов, а также над миром – в миллионах голосов и разумов по всей планете, защищая всё сущее от недоброжелателей и устраняя препятствия на пути света и добра и усиливая защиту: – ОМ ШРИ ДУРГАЙАЙ НАМАХ ОМ ДУРГАМ ДЕВИМ САРА-НАМАХАМ ПРАПАДЙЕ – дополняя ее защитой от негативного воздействия темных сил, защитой, рассеивающей дурные влияния, избавляющей от эгоизма. И все это завершается всеобщей и всесильной мантрой: – ОМ МАНИ ПАД-МЭ ХУМ, которая кроме установления душевного контакта с Абсолютом, а точнее вследствие этого контакта дарит успех, успокаивает и устраняет различные нервные заболевания.

Всё это воробышка, сидя на ветке дерева, слышал, не понимая, конечно, но ощущая тепло, которое излучало поле-площадь, недавно источавшее жуткий мороз, который чуть не убил бедную птичку. Ему до сих пор было очень жаль себя – так переволновался, так переволновался, чир-чи-чик!

И тишина стояла по всем храмам православным, и люди были погружены в нее, как в болото – не пошевелиться, а пошевелишься, еще глубже увязнешь. А хотелось не просто пошевелиться, а рвануться птицей к облакам и ветру вольному. Но некуда христианину податься, потому что обездвижен он, как Илья Муромец. И кажется ему, что купол храма, святые небеса то есть, медленно-медленно опускается на него, и совсем скоро не останется в пространстве между небом и землёй пространства для его христианской жизни. А по части того, что наступит после этого для него жизнь вечная, как обещано Христом-Богом, он очень сильно сомневаться стал, ибо чуял, что не от Христа то, что творится в душе его, возжаждавшей вдруг смерти нехристей. Никогда не было в душе такой жажды! Гнев был, он же ярость благородная, но жажды дьявольской – нет, нет и нет! Но все громче бормотал бес в мозгу: – Умри! Умри! Умри!.. Умри сам и пусть враг твой умрет! И придет новый мир на Землю и Новый Иерусалим воздвигнется и воссияет. И войдет в его ворота только тот, кто в Боге!..

И вдруг зазвучала песня без слов, полная красоты и любви – той самой, которая есть Бог. И трудно было сказать, мужской голос звучит или женский – это был голос жизни, ибо наполнял он души такой жаждой жизни, словно пламень возжигал, от которого свет и тепло и по душе разливаются, и в мир излучаются. И стал свод храма ввысь подни-

маться, пока с небом не слился, и повеяло свежим ветром, и капли дождя издали донеслись, и воробей залетел в храм да в полнейшей тишине прочирикал: – Чик-чирик-чик-чирик-чик... И прозвучало это, как звон колокольный... Воробей сам испугался своего «чирика» и спешно выпорхнул подалее от эдакой акустики...

Однако не только воробьи, голуби и прочие представители городской фауны наблюдали странное поведение человечества. Сельская и даже дикая фауна его тоже наблюдали, хотя не все были столь же эмоциональны, как эти маленькие непоседы. И по большому счету всем им было до кончика хвоста поведение человечества до тех пор, пока оно не мешает им жить. А вот планетарной ГНТ-системе¹

¹ ГНТ-система – гомоноотронная система, состоящая из человеческих интеллектов, усилителей интеллекта, «облачных» кибернетических центров, в том числе квантовых, и систем коммуникаций. Предназначена для интеграции всей этой интеллектроники в коллективный разум. Впервые описана в романе Владимира Васильева «Наука как наука», журнал «Звезда Востока» №3,4,1990г., изд. им. Г. Гуляма, Ташкент.

было не все равно, наоборот – она внимательно наблюда-
ла за поведением людей и по ходу наблюдения корректиро-

вала оное. Вернее, этим занимались несколько противоборствующих ГНТ-систем. В течение нескольких десятилетий они формировались и крепили из своего электората эгрегор, то есть некую духовно-интеллектуальную общность: сначала просто завлекали и привлекали, потом индексировали, тщательно изучая геном каждого человека и затем настраиваясь на него, присваивали человеку личный индекс «ай-ди» который и служил ключом для подключения человека к ноотронной системе. Сначала базой для консолидации служили естественные единящие факторы: раса, национальность, вероисповедание, государство. Потом пошли искусственные: экономические интересы, партийная принадлежность, ну, и далее по мелочи и по изобретательности агитаторов и пропагандистов – профессиональных промывателей и перекрасчиков мозгов, для которых ГНТ-технологии оказались фантастическим подарком. Невозможное стало возможным, и выход из тупика показался совсем простым – убрать лишних, паразитирующих на планете.

Стандартное человеческое опошление великих открытий и изобретений, предназначавшихся для улучшения жизни людей, но используемое, в первую очередь, для их уничтожения под всегда уважительным и чрезвычайно обоснованным предлогом. И ГНТ-систему создали фелицитологи, стремясь осчастливить человечество через создание коллективного разума, способного учесть все их чаяния и надежды в исторически реальных пределах. Однако первым пользу от та-

ких систем обнаружило для себя военное ведомство. И резон был железобетонный, даже титаново-стальной: если не мы их, то они нас. «Они» рассуждали точно так же – из одной глины леплены. Справедливости ради надо отметить, что и «там» заварили «кашу» фелицитологи. Благие намерения – страшная сила. Фелицитологов довольно быстро отодвинули в сторону, оставив им игрушку, дабы не роптали, а создавали свой коллективный разум и с его помощью учились осчастливливать жаждущих счастья – авось, пригодится когда-нибудь. А военное применение поручили специалистам без фелицитологических комплексов. Исследования были поставлены на большой конвейер: одна группа спецов училась ГНТ-сигналом останавливать сердце, другая – отключала легкие, третья – печень и другие внутренние органы – всякое может понадобиться и для индивидуальных, и для массовых целей. Не забыли и про спинной мозг – обездвигать человека – милое дело! Но наиболее активные разработки шли в направлении управления мозгом, как в индивидуальном, так и в коллективном варианте. Управляя им, можно было управлять всем, в том числе, жизнью и смертью, произвольно сдвигая границы между ними. Но военные – люди практические, и качество практики заключается для них в цифрах потерь противника. Убивая, убивай, а возиться с калеками дорого и непрактично. Они требовали разработки методов надежного умерщвления противника без потерь или при минимальных потерях своей живой силы.

Фантазии исследователей не было предела! Особенно у имитаторов, осуществлявших психическое моделирование воздействия на организм летальных факторов. Уж и расстреливали они испытуемых, и взрывали, и сжигали, и топили, и душили, и со скал да небоскребов сбрасывали, и разгерметизировали в самолетах и космических аппаратах, и замораживали с разной скоростью, и под автомобили разных марок толкали, и под поезда, и даже под асфальтовый каток. И ведь получалось у них! Очень даже хорошо получалось – подопытные мерли, как мухи. Впрочем, мухам все их упражнения ни малейшего вреда не наносили, мухи их просто не замечали. Военные комиссии называли имитаторов «романтиками», относились к ним снисходительно, то есть не сокращали финансирование, но и не увеличивали. Приберегали на случай не кардинального решения проблемы, для предупредительных акций.

Главное же внимание уделялось разработкам «прагматиков-гуманистов». Прагматиками их считали, потому что целью себе они выбрали мгновенное умерщвление любого количества «пациентов» – от одного до всего человечества. Гуманистами – потому что мгновенное умерщвление подразумевало отсутствие у пациента каких-либо эмоций при умирании, даже намек на осознание факта. Подразумевался «щёлк» скоростного выключателя жизни. Его и искали. Ясно, что выключатель в мозге, но где и какой наиболее эффективен? То ли нужен импульс на остановку сердца, дыха-

ния, то ли есть более простой и быстрый без отправки относительно медленного импульса к органам? Ни один вариант не остался не пройденным... Не только теоретически, разумеется, но и практически.

«Пациенты» почти без ограничения черпались и «романтиками», и «прагматиками-гуманистами» из локальных и глобальных военных конфликтов, без которых хронически не обходилось человечество, из хосписов, из бомжатников, тюрем и обычных больниц (аккуратно) и больниц психиатрических, где находились добровольцы с суицидальными устремлениями.

Ясное дело, что исследования велись всеми сторонами в строжайшем секрете от широких народных масс и от потенциального противника. Широкие массы, как им и положено, пребывали в неведении, а вот потенциальные противники примерно представляли уровень достижений конкурентов. И находились в состоянии постоянного страха опоздать быть первыми, потому что «вторых» в этом случае быть уже не должно. А ведь существовали еще и «третьи», и «четвертые», которые не примкнули к первым двум... Они вполне могли оказаться «темными лошадками», которые взбрыкнут не вовремя и окажутся первыми. Поэтому меры по привлечению их в свой лагерь, то бишь ГНТ-систему, принимались весьма активные и неординарные.

Самой официальной и широко обсуждаемой «платформой» для объединения была идея создания единого коллек-

тивного разума человечества и, соответственно, единого человечества, где уже не останется места для противостояния и конкуренции, для тайн и заговоров, для конфликтов и войн. Всем всё будет известно, и решения будут приниматься на основании всеобщего согласия и в целях всеобщего счастья. По крайней мере, благоденствия. Прямо-таки царство Божие на Земле, но проблема в том, что боги у всех разные, даже если по Святым Писаниям Он один и тот же. И это только боги официальные, но ведь у каждого человека, народа, страны – свой внутренний бог, который – его система мироздания. А идея единого коллективного разума и единого человечества – это одновременно и идея единого бога. И если официальных формализованных богов можно было как-то интегрировать, то внутренние неформализованные боги не желали объединения и слияния, ибо оно для них – уничтожение.

И потому велись активные обсуждения и даже обмусоливания в мелочах этой «великой идеи», но никакого движения в сторону действительного сближения не наблюдалось. Потому что, если простые люди склонялись в сторону принятия новой «парадигмы бытия», как красиво и непонятно называли новое мироустройство философы, то элиты, особенно, властные элиты друг другу ни на грош не верили, и, произнося в изобилии правильные речи, всеми силами противодействовали сближению, выдвигая все новые условия его, для противоположной стороны невыполнимые. Напри-

мер, предлагали подключить ГНТ-систему конкурента к своей, что означало исчезновение чужой и увеличение мощи своей системы. Естественно, конкурент отвечал: «нет уж, нет уж, лучше вы к нам...». Тем временем проводились полумеры, четвертьмеры, децимеры, вырождающиеся в наномеры. А ситуация не менялась.

В таких условиях и, просто, из соображений самосохранения велись активные работы по защите от ГНТ-атаки, дабы никто не смог дотянуться до твоего «выключателя». Исполкон веку повелось у отравителей, что на каждый яд должно быть противоядие. Разумеется, и интеллектуальная часть системы, и индивидуальные «айди» эгрегора были максимально защищены, но известно, что любая защита, созданная человеком или его системой, может быть взломана другим человеком и системой, поэтому чисто информационной безопасности было недостаточно. Нужна была защита на уровне человеческого интеллекта и организма и совокупностей интеллектов и организмов, способная противостоять ГНТ-атаке. И для этого ГНТ-система должна была натренировать интеллекты и организмы своего эгрегора на противодействие внешнему вмешательству, которое надо еще уметь отличить от «своего». Ну, и тренировались! Все! Решающим считался первый момент: не включиться в чужую систему, когда она на тебя покусилась – в боевых условиях это означало не умереть, получив приказ «умри!». В следующий момент срабатывала общая системная защита.

И, наконец, некто решился – включил систему в состояние глобальной атаки в режиме мгновенного умерщвления. Однако фактор внезапности оказался практически ничтожным, потому что все противодействующие системы включились одновременно, что агрессор с удивлением моментально и почувствовал, получив сильнейший ментальный удар. Этот же удар инициировал включение его собственных механизмов защиты и защитную реакцию всей системы. Блаженного мгновенного умерщвления не произошло – убийственный удар превратился в инициатора различных, почти случайных процессов «имитационного» убийства. Полностью нейтрализовать приказ «умри!» не удавалось – слишком он был мощен и категоричен. Миг обретал длительность и наполнение процессом убийства, а это, в свою очередь становилось выигрышем времени, которое каждая ГНТ-система затрачивала на генерацию реанимационно-регенерационных процессов в своем эгрегоре. То есть, если, грубо говоря, кто-то с занудным маниакальным упорством вонзал в вас нож, то раны ваши тут же затягивались. Веселенькое занятие для парочки садист-мазохист. Здесь же имело место всемирное столпотворение, а не «веселая парочка». Известно, что Господь сделал с Содомом и Гоморрой... Сейчас же Он оторопел, осознавая, что Ему ничего делать не надо – человечество перешло на самообслуживание.

Ощувив оторопь мироздания, и залетали воробышки

меж людьми, пытаюсь понять, что с ними происходит, и от непонимания принялись зябнуть и грустить. А когда грустят малые мира сего, мироздание бьет набат и начинает принимать меры.

Тем временем по ветвям городских и сельских деревьев, по своему поняв оторопь мироздания, расселись вороны да сороки, терпеливо дожидаясь щедрой трапезы, как испокон веку было на полях боёв. В небе над городом величественно, как ангелы смерти, кружились грифы, сипы, стервятники и прочие падальщики. Со свалок в жилые кварталы стали подтягиваться бродячие собаки, кошки, крысы. В соответствующих географических зонах – шакалы и гиены.

Тогда-то и зазвучала Песня Жизни в каждом умерщвляемом, который, слушая ее, возжаждал жизни для себя и для недавнего врага своего. А поскольку ГНТ-система в психо-интеллектуальной своей части направляется волей составляющих ее людей, то и она всеми силами устремилась к жизни, врачуя, регенерируя, извлекая из бездны смертельного безумия. Тогда-то и домовые почувствовали, что у них получается защитить своих домашних от беды. Тогда-то и Бог посетил храмы свои...

Тогда-то и исчез из мультиверсума мир, покончивший самоубийством. Он сделал свой выбор, и никто не способен отменить этот выбор. А вот создать новый мир, во всем подобный исчезнувшему, кроме безумного стремления умереть, способен. Кто? А фиг его знает? Может, вселенский

Гомеостат, снабженный генератором миров? А то, быть может, вселенская клетка поделилась на две части?.. Более того – этот Некто или это Нечто не может этого не сделать, согласно законам сохранения энергии и жизни. И поскольку в истоках этого нового мира стояли ГНТ-системы, объединившиеся в процессе борьбы за жизнь в единую систему, то и воспринимались они в нем как данность, объективная реальность, единственно возможный способ жизни. Нет, никто не забыл, что системы эти созданы человечеством, но все их элементы осознали, что этот способ совместного бытия наилучший из всех возможных, если он оказался способным преодолеть приступ коллективного безумия и теперь приобрел иммунитет от подобных психических явлений. Теперь они жили так, как родились вместе с миром – в единстве и согласии. Из парадигм бытия исчезло все, что было способно разделять человечество на всех уровнях: раса, национальность, религия, государство, класс... Нет, никто и не помышлял возражать против разнообразия: расового, национального, культурного, но превращать это в яблоко раздора никто позволять не собирался. И государство как механизм согласования интересов его граждан никого серьезно не интересовало – ведь есть ГНТ-система, которая именно для этого и предназначена, а бюрократическая система в данной ситуации оказывалась совершенно излишней. Не просто из соображений неуважения к бюрократии, а по элементарной линейной логике. Никто не нужен для согласования интересов

между людьми, кроме самих людей. Разве что интегрирующая их разумы ноотронная система, ну, так она всегда рядом. Разумеется, пресловутую «кухарку» никто не принуждал управлять миром – для этого постоянно динамически формировались Советы Специалистов по конкретным проблемам, но посоветоваться с «кухаркой», оценить ее отношение к принимаемому решению, скорректировать сие решение так, чтобы оно не вызывало протеста у «кухарки» – этого Коллективный разум не мог не сделать, алгоритм функционирования не позволял.

Армии стали частями Всемирной Армии Спасения, то есть отрядами по ликвидации и предотвращению чрезвычайных ситуаций. Оружие как средство убийства было выведено из обращения и производства, по большей части утилизировано, по небольшой части – законсервировано на недоступных складах на случай чисто теоретического иномирного вторжения, в которое никто не верил, но береженный сам себя бережет.

Понятие частной собственности на средства производства сменилось понятием всеобщего владения средствами жизни в сочетании с принципом разумного добровольного ограничения потребностей. Разумность определялась ГНТ-системой, которая оценивала возможность удовлетворения каждого конкретного запроса в данный момент и в ближайшее время. Ну, и жадность, алчность и тому подобные стремления, как и в древние времена, стали искренне считаться

смертными грехами.

Но все это не сразу. Пробуждение длилось век, как минимум. Да и ныне не все проснулись.

А сразу было очень тяжелое похмелье, ломка и генеральная уборка изгаженного мира вне и внутри человечества, численность которого все же уменьшилась. И не на доли процента, а на немислимо тяжкие десятки процентов. Большинство и пыталось не мыслить об этом. Плохо получалось. Этой болезнью предстояло переболеть, дабы обрести иммунитет. Своих мертвецов надо было похоронить. С особыми почестями не получалось – их было слишком много, а времени мало, но с великой скорбью получилось.

А сразу воробышка почувствовал, что можно вернуться в детский садик, и вернулся, сев на краешек девочкиной пустой тарелки. Девочка-бабочка его уже не испугалась, а только приветственно взмахнула крыльями, и они тут же превратились в голубое платье.

– Здравствуй, воробышек, – улыбнулась она. – А я тебя уже не боюсь, ты опять маленький и хорошенький. Садись ко мне на ладошку, если сам не боишься, я тебя не обижу, у меня печенька в кармане есть.

– Чик! – ответил он, еще не хватало девчонок бояться. И не будь дураком перепорхнул в ее ладонь. Про печенку он все прекрасно понял и потому, выжидательно наклонив головку, требовательно смотрел на девочку.

Она достала из кармана платья печенюшные крошки

и посыпала в ладошку. Воробей с удовольствием принялся за трапезу, стараясь не сделать больно ладошке, а то пискнет, дернется – и прощай печенье.

«Скорая помощь» не отвечала на вызов, и тогда Андрей принялся сам приводить в чувство поверженных противников. Было только непонятно, каким образом он их так ухайдакал, ведь в руках его не было ни палок, ни кинжалов? Да и поблизости ничего такого не было – лес как лес. Вон даже белка на сосне затаилась и стреляет глазками – не перепадет ли какой подачки? В первый момент саднило костяшки на пальцах, словно он недавно усиленно колотил ими в эту самую сосну. Тут Андрей вспомнил, что колотил он не сосну, а этих пацанов, но было четкое ощущение, что ему все это приснилось. Не было у него причин их колотить – первый раз видит.

Наконец, пацаны стали подавать признаки жизни – застонали, заворочались, приоткрыли глаза и удивленно воззрились на Андрея.

– Ты х-хто, карамелька? – с трудом спросил, видимо, самый живучий или ловкий, ибо ему меньше досталось.

– Андрей... Я здесь живу, – ответил он.

– А, Андрейка-карамелька! – хмыкну пацан.

– Да почему ж карамелька? – не мог понять Андрей.

– Да весь сладенький такой, облизанный, – презрительно покосился пацан.

– Не облизанный, а умытый и причесанный, не то что некоторые, из мусорного бака вылезшие.

– Ах ты! – рванулся пацан и рухнул обратно. – Что за хреновина? Больно! Ребра, поломал, что ли?.. Пстой... Так это ж ты нас! – вдруг, похоже, вспомнил он.

– Кажется я, – не стал отнекиваться Андрей. – Ума не приложу, с чего вдруг...

– И я не помню, – кивнул пацан. – Вот те и хрен с горчицей, – хмыкнул он. – Схлопотали по самое не хочу, а с чего – конопля знает...

Остальные пацаны уже с интересом прислушивались к разговору.

– Если не привиделось, – сказал один из них, – мы его пощипать хотели.

– Ага, – кивнул первый, – и сами в ошип попали. А ты, Карамелька, здоров драться... Научишь?

– Как смогу, почему нет? – легко согласился. – Я не тренер, но... Поправьтесь сначала.

Тут из-за деревьев появился Домовой.

– Приветствую вас, молодые люди, – поздоровался он. – Ну, что тут у вас? Вижу, помощь требуется.

– Если не возражаете, Андрей Иваныч, – обратился он к мальчику. – Попробуем вдвоем их в дом сопроводить? Не думаю, что вы, учитывая ваш возраст и детские силы, могли их серьезно покалечить.

– Попробуем, – кивнул Андрей.

– Нифига себе несерьезно, – проворчал первый пацан, пытаясь подняться самостоятельно. Андрей его подхватил, и вместе они справились. Домовой стал помогать другому мальчишке, а третий тоже норовил сам встать на карачки. В общем, минут через пять все находились в покачивающемся вертикальном положении. Андрей и Домовой повели их к дому.

Андрей даже удивиться забыл, что Домовой так решительно взял руководство в свои руки, успев сообщить мальчику, что в доме народ пока лежит, отходит. Родители тоже в относительном порядке.

Больше прочих обитателей дома пострадали охранники. Видать, в буквальном смысле пережили бой не на жизнь, а на смерть. Домовой немало сил отдал на то, чтобы жизни в них осталось больше, чем смерти. И сейчас она все отчетливей проступала на их избитых лицах. Хоть бой и был виртуальным, последствия его оказались вполне реальными, ибо психика принимала его, как настоящий мордобой. Но чувствовалось, что Коллективный разум, теперь уже действительно един и изо всех сил, не покладая мощностей и психик, занимается врачеванием фактически самого себя, ибо нет ГНТ-системы без людей.

Пацанов Андрей с Домовым разместили в гостевых комнатах, которых в доме было несколько. Перед этим засунули их по очереди в ванну, добавив в воду лекарственных настоек и шампуней. Обработали раны, накормили и уложили

спать.

– Вы кто? – спросил Андрей у Домового, когда все пациенты уснули.

– Совсем недавно я считал себя деклассированным элементом, люмпен-пролетарием, бомжом, что одно и то же, потом хитрым приживалой в вашем благословенном доме, хотя допускаю тщеславную мысль, что некоторая польза от общения со мной у некоторых обитателей его была. Очень интересные беседы мы вели с вашим батюшкой, Андрей Иванович... Однако теперь я понял, что и рожден был, и жил в ожидании того момента, когда стану собой, то есть домовым. Не знаю, понятно ли изъясняюсь?

– Понятно, – подтвердил Андрей. – Я чувствую, что это вы нас всех здесь спасли.

– Это было бы несправедливо ко всем остальным домовым. Мы все вместе работали. И не только мы.

– А кто еще?

– Не знаю, я чувствовал присутствие, помощь, но от кого она, не ведаю. Она и сейчас с нами.

– Да, я тоже чувствую... – признался, прислушиваясь к себе, Андрей. – Я думал, что мне кажется.

Глава 1. Синдром Данаи

(Архиретро. Задолго до... Пробуждения)

«Со мной с утра не расставался Дождь.

– О, отвяжись! – я говорила грубо.

*Он отступал, но преданно и грустно
вновь шел за мной...»*

Б. А. Ахмадулина. Сказка о Дожде

Дождик весело стучал в окно, приглашая Дану на прогулку. Она порадовалась, что родителей нет дома – они всегда ворчали, увидев ее бегущей под дождем, – и выскочила во двор. Дождь, обрадовавшись, сразу бросился навстречу и вмиг промочил до нитки. Это было не страшно, потому что лето и тепло. Бабушка, конечно, тоже бы стала ворчать, увидев мокрую внучку, но она моментально засыпала под звуки дождя.

«Под музыку капли, капли, капли

Все бабушки храпели, храпели, храпели...»

Обувку умудренная Дана оставила в доме, потому что по обувке родители сразу поймут, что ослушалась.

Дождь нежно касался ее кожи, как ласковый щенок мокрым носом. Только щенок тычется редко, а дождик – часто-часто, словно говорит быстро-быстро. Дана бегала

по травяному двору и хохотала, чувствуя, что дождик с ней играет. И еще щекотно было от капелек. Она ощущала каждую и мельчайшие промежутки между ними.

Хотя не всегда дождь такой игривый. Он бывает и злой, холодный – переходящий в снег, и тоскливый, и грустный, и задумчивый...

Временами Дана останавливалась, прислушиваясь к дождю, пытаясь уловить ритм его прикосновений. Он был! И становился все более явственным. Все эти «точки-тире», становились для нее все более упорядоченными, но это быстро утомляло, и девочка снова принималась бегать по двору.

А потом дождь вдруг кончился. Сразу, будто выскочил в другую комнату. Был – и нет. И только капельки прощально сползали по мокрой коже.

– Евгения Александровна, вам надо срочно явиться в детский сад! – потребовал громкий голос из телефона.

– Дана? Что с ней?! – испугалась мама Даны.

– Жива, – осадил эмоции заведующая, – и здорова! Но вы должны немедленно явиться.

Когда Евгения Александровна увидела на веревке рядом с группой мокрое платье дочки, то все поняла. Правда, рядом сохли и чужие детские вещи.

– Полюбуйтесь! – возмущенно воскликнула заведующая, показывая на экран компьютера, где транслировалась запись

с телефона.

Дана, как обычно, весело танцевала под ливнем. Необычно было то, что вокруг нее с не меньшим восторгом прыгала все группа, а воспитательница тщетно пыталась уговорить детей. Выглядело это весьма забавно, однако Евгения Александровна не позволила себе улыбнуться.

– Да, Дана очень любит дождь, – вздохнула она, – с малых лет. Это, кстати, ее закаляет – никогда не простужается.

– Да пусть она любит что угодно, но дома! И не втягивает в свои дикарские выходки других детей. Мы за них отвечаем, и не все такие закаленные, как ваша.

– Я поговорю с ней, – пообещала Евгения Александровна. – И отец поговорит.

– Непременно! Только сейчас с ней говорит наш психолог. Идемте, она даст свое заключение.

– Ой, мама! – обрадовалась дочка, переодетая в сменное. – А я рассказываю Инне Юрьевне, как здорово танцевать под дождем, когда он поет.

Озабоченный взгляд психологини был далек от восторженного.

– Дана, идем в группу, – позвала заведующая девочку. – Маме надо поговорить с Инной Юрьевной.

Девочка послушно последовала за самой главной в детском саду.

– Вашу дочь надо срочно показать психиатру, – категорически заявила психологиня. – У нее серьезные проблемы

с восприятием реальности.

– Вы о восприятии дождя как реальной разумной сущности? – чуть улыбнулась Евгения Александровна.

– И об этом тоже, – кивнула психологиня.

«Со мной с утра не расставался Дождь. – О, отвяжись! – я говорила грубо...» – процитировала мама. – Великая русская поэтесса Бела Ахмадулина.

– Это совсем другое! – отмахнулась пренебрежительно собеседница. – Поэтический текст, образ, метафора. Дело не только в дожде, в конце концов, есть даже такой литературный штамп, как «бегать по лужам босиком» – многие подвержены. Но ваша дочь воспринимает мир совершенно иначе – для нее все вокруг живое и разумное. Она мне рассказала, о чем беседует с дождем...

«Нашла с кем откровенничать! – проворчала про себя Евгения Александровна. – Чистая душа – перед любым открыться готова».

– Да, рассказала, – повторила зачем-то психологиня. – И меня это испугало. Натурфилософия какая-то древнегреческая или пантеизм. В учебнике – это нормально, а в ребенке пугает.

– Отчего же пугает, если в ребенке от этого столько радости жизни? – удивилась мама.

– От того, что она живет среди людей, и рано или поздно ее мир войдет в антагонизм с общечеловеческим. Уверяю вас, что проигравшей стороной в этом антагонизме будет ва-

ша дочь. Обратитесь к психиатру завтра же, иначе я буду вынуждена обратиться в ювенальные структуры.

– Обязательно, – пообещала Евгения Александровна.

На следующий день она забрала документы из детского сада, сославшись на смену квартиры. На самом же деле решила, что чистая душа дороже ювенальных постулатов.

После смены десятка школ Дана и сама поняла, что ей надо быть от нормальных людей подальше. Самоидентификация по грифу «ненормальная» не вызывала комплексов. Ей нравилось быть «из ряда вон». И родители ее в этом искренне поддерживали. Может, потому и комплексов не появилось?

– Если природа или Бог, что практически одно, сделали тебя не похожей на других, – говорила мама, – значит, так этому природо-богу нужно, в этом наверняка есть высший смысл. А то, что это хороший смысл, доказывает твое ощущение счастья. Еще бы разгадать этот смысл...

Вот только у ребят-зверят именно звериное чутье на непохожих, которых они инстинктивно стремятся или загрызть, или превратить в себе подобных. Потому родители и не ленились менять то место ее учебы, то место жительства. И Дана была им благодарна за любовь и терпение. Но всю жизнь под их защитой жить она не собиралась, потому и выбрала себе профессию метеоролога, рассчитывая спрятаться от ро-

да людского на затерянной метеостанции. Питерский «Гидромет» был наилучшей дорожкой к намеченной цели. Хотя бы потому, что они уже жили в Питере. На съемной квартире, разумеется. Под крышей и с удобным выходом на нее. На крыше Дана и проводила большую часть свободного времени.

Слегка был против выбора специальности Даны ее отец – композитор средней успешности. Он-то надеялся, что сделает из нее звезду эстрады – голос у дочки был редкой красоты и силы. С его подачи она легко выиграла несколько юношеских песенных конкурсов и вошла в перспективный «звездный список». Но Дана, попробовав эстрады, категорически от нее отказалась. Тошнило ее от тамошней атмосферы. Отец любил свою дочь, потому возражал недолго.

Поступила в «Гидромет» легко, набрав сто процентов баллов. А на собеседовании и вовсе ввела экзаменатора в восторженный ступор, не только профессионально исчерпывающе охарактеризовав моросающий за окном дождик, но и описав состав и размер тучи, из коей он изливался, и прогноз маршрута дальнейшего движения дождя с точностью до метра, который можно проверить, не отходя от окна. Сбылось вплоть до неожиданного поворота на девяносто градусов. Заодно, хотя ее не спрашивали об этом, дала прогноз на ближайшие сутки по всей Ленинградской области. Экзаменатор потом сутки не спал, проверяя правильность прогноза. Уснул счастливый и восторженный. Он сотрудничал с теле-

видением и теперь был уверен, что будет давать самый точный прогноз из возможных, если пригласит уникальную студентку себе в кампанию.

Она согласилась, но если он давал прогноз, находясь в студии, она всегда пребывала на воздухе и вещала, прислушиваясь к атмосфере. И настолько глубоко погружалась в процесс, что зачаровывала телезрителей, которые стали спешить к телевизору на «прогноз погоды от Даны».

Все были в восторге, но сама Дана относилась к этому, просто, как к работе – людям нужен прогноз погоды, она его давала, но душой стремилась в одиночество на любимую крышу. Благо она возвышалась над окрестными крышами, и никто не мог подглядеть за ней. Люки, выходящие из других подъездов, Дана закрыла на замки и устроилась в ЖЭК дворником по уборке крыши. Высоты она совершенно не боялась и выполняла свои обязанности с воодушевлением. Каким-то образом ей удавалось не допускать роста больших сосулек, но что более удивительно – получилось воспитать пешеходов, обходивших теперь опасные зоны вероятного падения ледяных убийц. Просто она один раз попросила их об этом с экрана телевизора. Кстати, вообще, по городу число несчастных случаев с сосульками после этого резко снизилось.

«Она танцевала под радужным снегом летящим...» Ра-

дужным он был из-за отсветов городской рекламы, подсвечивавших его. Но Дана-то знала, что цветомузыка снега от подсветки практически не зависела. И что, кроме нее, никто этих снежных радуг не видит, ибо это вовсе не радуги. А вздумай она о них заговорить, ее сочтут сумасшедшей. Танец ее имел очень далекое отношение к хореографии, хотя движения Даны под снегом выглядели весьма хореографично. Она была антенной, настраивающейся на максимум... чего?! Остроты ощущений? Глубины переживаний? Плотского наслаждения? Духовного восторга? Слияния с... чем? Кем?.. В том, что она чувствовала и чему следовала, было все из перечисленного и нечто сверх того. Человек дышит, потому что без этого не способен жить, это способ его существования. Вот и Дана «танцевала» с Дождем или Снегом, потому что так она жила. Но мир, где эта жизнь была естественной, разительно отличался от того, в котором жили все остальные. И объяснить эту разницу Дана не умела, даже родителям. И себе не умела. Как перевести в понятные человеку символы эти токи, насквозь пронизывающие тело до уровня клеток, вызывая ощущение непередаваемого наслаждения, которое трепещет от резонанса с чем-то, как пламя на ветру?! Разве что музыкой? Но такой музыки пока не существует. Дана понимала, что ее необычное «чувство погоды» – следствие общения с этими токами. Ей все яснее становилось, что полностью она никогда от своего тайного друга (небес, атмосферы, планеты?) не отключается.

Несмотря на ее очевидные странности и «звездность», друзья в студенческой среде у нее были. Во-первых, потому что у Даны сформировался очень веселый, открытый характер. Смех ее был настолько заразительным, что все вокруг начинали, если и не смеяться, то уж улыбаться – обязательно. Сверстники, всегда настроенные поржать, с удовольствием смеялись. Преподаватели – улыбались. А во-вторых, она стала солисткой университетского рок-ансамбля – вокалисткой и клавишницей, иногда брала в руки и гитару. Песни пела только свои и отцовские, потому что ей нравилась его музыка. Её фанатов в универе образовалось немало. Отец смирился с выбором дочери и ненавязчиво пытался продвигать ее вместе с ансамблем. Все были довольны. Кроме парней-поклонников, прозвавших ее Айсбэби. Наиболее влюбленные предпочитали звать Снежной Принцессой. И мама надеялась, что вот-вот у доченьки появится парень, однако чуяло материнское подсознание, что надежды тщетны – совсем в иной сфере ее сердечные интересы. В небесной... Но даже богам человеческое было не чуждо. А Данка – не богиня. Боги так не рождаются. В теории.

Дана проснулась среди ночи. Такое случалось и прежде, особенно, когда начинался дождь. В этот раз дождя поблизости не было. Но она ощущала нечто тревожное, хотя пока и далекое. Вышла на крышу, как всегда, босиком. По-

винуясь внутреннему импульсу, протянула руки к небу, пошевелила пальцами, замерла, причувствуясь. И почувяла слабые токи, пронизывающие ее тело до клеточной глубины. Это было похоже на ощущения при осадках, но значительно слабее. Она осознала, что ее включенность в эту цепь между небом и землей практически постоянна. Собственно, как у всего живущего между обкладок планетарного конденсатора «Земля-ионосфера». Живое – проводящие неоднородности, через которые может проходить «пробой» или «утечка». Когда она обута, одета, суха, сопротивление больше... Неужели все так примитивно на уровне школьного учебника физики?..

Однако первоначальное тревожное ощущение не ослабевало, кончики пальцев покалывало, а в сознании формировалось понимание. Дана достала из кармана мобильник и набрала номер министра МЧС России. Однажды ее прогноз очень помог оптимально провести сложную спасательную операцию, и тогда министр дал ей свой личный номер.

– Внимательно слушаю вас, Дана!

– Надо немедленно объявить эвакуацию Целино... извиняюсь, Астаны! – выкрикнула она без обиняков.

– Угроза? – конкретизировал он.

– Небесное тело достаточно больших размеров.

– Координаты?

Дана назвала космические координаты в динамике.

– Время?

– Не более двух суток.

– Мало для эвакуации!

– Я удивлена, что его не обнаружили раньше.

– А ты как узнала?

– Почувствовала, потом узнала.

– Спасибо, Дана! Поднимаю всех по тревоге. Это дру-
гое государство... Но свои, услышат. Будем на связи. Звони
с уточнениями.

Если бы это был кто-то другой, министр послал бы его
к психиатру, но эта девчонка убедила его в своей неординар-
ности и спасла сотни, если не тысячи людей.

МЧС зашевелилось, а Дана без сознания упала на кры-
шу...

О необходимости мировой противометеоритной службы
без конца говорили, но пальцем о палец не ударили, что-
бы создать реально. Дорогое удовольствие. Однако тради-
ционно зазевавшиеся астрономы, ибо оптические телеско-
пы их были неспособны разглядеть объекты размером менее
ста метров, исхитрились другими методами довольно быст-
ро обнаружить названный Даной объект и подтвердили, что
место падения, предсказанное ею, верно с высокой степенью
вероятности. И только после потери нескольких часов закру-
тилась-завертелась система межгосударственной взаимопо-
мощи. Совет безопасности с приглашенными специалистами
вырабатывал мероприятия, но приказ об эвакуации пра-

вительство Казахстана отдало сразу после личного звонка министра МЧС президенту страны. На всякий случай, тем более что другого способа борьбы с надвигающейся бедой никто еще не предложил. Телевидение и радио непрерывно на всех языках призывало население с минимумом личных вещей быстрее покинуть город. Со стороны государства было организовано и железнодорожное движение, почти непрерывное, и автобусное, и мобильная заправка личного транспорта на дорогах. Куда бежать, никто толком не знал, но бежали. К сожалению, далеко не все – многие не верили и опасались за сохранность своего имущества.

А Дану во время лекций вызвали к ректору.

В кабинете ректора, где Дане уже приходилось бывать, кроме хозяина кабинета находился еще один мужчина с благородной проседью.

– Здравствуйте, Дана, – приветливо поздоровался ректор. – Товарищ генерал хочет задать вам несколько вопросов.

– Я вас слушаю, – повернулась к генералу в штатском студентка, мысленно поблагодарившая ректора за предупреждение.

– Разрешите, пожалуйста, мое наивное недоумение, – с нескрываемой иронией попросил генерал. – Наши уважаемые ученые даже после вашего предупреждения далеко не сразу обнаружили объект, используя сложнейшую аппаратуру, а вы без всего этого знали, что он приближается,

и определили точку его приземления... падения... Как такое возможно?

– Я тоже хотела бы это знать, – пожала плечами Дана. – У кого-то есть музыкальный талант, у кого-то математический, а у меня, наверное, метеорологический... Заметьте, что название метеорологии произошло от слова «метеор».

– Логично, – согласился генерал. – Если только вам не сообщил этой информации НЕКТО, ею располагающий. Например, тот, кто направил объект в указанном направлении.

Дана несколько секунд иронично, почти насмешливо разглядывала генерала, но решила сохранить серьезный тон, ибо понимала озабоченность должностного лица.

– Смелая гипотеза! Кстати, если некто решил бомбардировать Землю метеоритами, зачем ему предупреждать об этом?

– Ну, например, чтобы усилить ваше влияние на земные правительства? – вполне серьезно выдвинул гипотезу генерал.

– Вы предполагаете, что я инопланетянка? – неожиданно для себя испугалась Дана.

– Не исключаю.

– Но меня же родила мама... Можете провести анализ ДНК и всего генома...

– Это идея. Непременно надо будет провести.

– А вам не кажется, что сейчас надо сосредоточиться на спасении людей? – спросила Дана.

– Каждому своё, – ответил генерал. – Спасатели будут спасать, я разгадывать загадки.

– Вы уверены, что они вам по зубам? – хмыкнула она.

– Служба, – исчерпывающе объяснил генерал.

– Бог вам в помощь, – еще раз пожала плечами Дана.

– Его помощи не хватит, ваша необходима, – испытующе посмотрел он на нее.

– Да с удовольствием! – весело улыbnулась Дана. – Я думаю, сработаемся.

В этот момент у нее зазвонил телефон.

– Здравствуйте, товарищ генерал! – откликнулась Дана в трубку. – Что-то случилось?

– Мы просим вас присутствовать в штабе в качестве консультанта, как в прошлый раз, – сказал министр МЧС.

– Я в универе, в кабинете ректора. Если меня отпустят, сейчас спущусь на крыльцо, – она отключилась и вопросительно посмотрела на серьезных дядей, объяснив: – МЧС призывает.

– Не смею задерживать, – кивнул генерал ФСБ. – Надеюсь, что еще встретимся.

Дана поспешно вышла из кабинета.

– М-да, пассионарная личность, – признал ректор.

– Более чем, – кивнул генерал. – И принимает это как само собой разумеющееся. Что и настораживает. Комплексов не имеют безумцы и мессии.

В ситуационном центре МЧС царила напряженная деловая обстановка. Не сразу удалось сосредоточиться после перелета, но Дана сидела в кресле и старалась. Она впитывала информацию. Несколько панелей экрана отслеживали движение болида в разных участках спектра, один – в оптическом, но видно было плохо. На других панелях отображался процесс эвакуации. Вот один за другим отходят с вокзала поезда с беженцами. Вот солдаты и милиция выпроваживают упирающихся горожан из квартир и транспортируют на вокзал. Вот аварийные бригады отключают энергообъекты. Эвакуируются банки, предприятия. А Дана чувствовала страх, отчаяние, растерянность, защитное неверие в надвигающуюся беду. Время для спасения на исходе. Это Дана сразу поняла, нарастающее ощущение небесного тела усиливало ее чувствительность. В первый раз, на крыше, это было подобно озарению: нечто громадное летит к земле, прогноз траектории и острое ощущение опасности... Теперь же ей казалось, что она может сообщить даже минералогический состав метеороида. «Обыкновенный хондрит», скажут позже минерологи. Она контролировала сразу два полюса: движущийся небесный и паникующий земной. Два вектора, направленных друг к другу, несмотря на то, что физически земной полюс всеми силами старался удалиться от небесного. Но они уже слились в единую информационно-эмоциональную систему. И чем больше люди стремились прочь телесно, тем глубже увязали духовно. Дана это ощущала одно-

временно извне и изнутри системы. Ну, что... что... что она могла сделать?! И тут поняла, что эвакуирующийся народ вдруг дружно устремился к пунктам и средствам эвакуации, не отвлекаясь больше ни на что. Автомобили были заполнены и изнутри сверх допустимого, и снаружи – кто-то залезал в багажник на крыше, кто-то в кузовной багажник. Автомобили натужно ревели, но везли народ подальше от беды. Если сначала поезда уходили полузаполненные, то теперь пускали людей и на крыши вагонов, и цепляли добавочные товарные вагоны. Самолеты только не позволяли перегружать выше допустимого предела. И, слава разуму командования, погрузились в свои автомобили и военные: армия, МЧС, МВД. Город на глазах пустел.

– Чудеса! – прохрипел рядом генерал МЧС. – Я был уверен, что не успеем!

Он повернулся к Дане и не узнал ее в первый момент: она была бледна, как снег. Чуть было не ляпнулось про себя: «как смерть», но глаза ее были слишком живы – буквально горели пламенем неземным, – чтобы можно было думать о смерти. Генерал мгновенно заткнулся, почуяв, что происходит нечто из ряда вон. Этого не могло быть – где Астана и где Дана, чтобы одно могло влиять на другое, но факт был налицо: растерянный, паникующий народ вдруг согласованно ринулся туда, куда его раньше почти тщетно направляли бойцы МЧС. И они, кажется, успевают?.. Успевают? Кажется...

Прошлый раз было нечто подобное. Он не сразу это понял, а только потом, когда все проанализировал – эта уникальная девочка сделала что-то необъяснимое для спасения людей и спасла их. Во время событий не до размышлений было, но чуял – что-то происходит, потому что и сам действовал как-то непривычно вдохновенно и четко. Позже Президент наградил его и некоторых подчиненных, а когда генерал заговорил о девочке, только усмехнулся, пробормотав: «седина в бороду...».

А она, похоже, ничего и не заметила, приняв как должное. И в этот раз никто не поверит. А она этого не заметит. И это правильно по какой-то высшей логике и этике.

И вот на экранах ситуационного центра появилась вспышка, которая становилась все ярче, обретая огненный хвост и оставляя инверсионный след. В течение нескольких секунд солнечный свет поблек в свечении метеороида. Видение было чарующе визуально и ужасно психологически – ведь ясно, что это красота смерти, несущаяся со скоростью порядка 20 км/с. А Дана и через нее спасающиеся бегством люди чуяли ее приближение: кто спиной, кто селезенкой, кто фибрами души. Но прекратили движение и ждали финала...

Растянувшееся на тридцать секунд «мгновение» полета завершилось сильнейшим взрывом с ярчайшей вспышкой, затем к небу вздыбился пылевой столб в десятки километров, пошла ударная волна... Грамотный народ плюхнулся на землю ногами к взрыву, как учили на уроках гражданской

обороны (вот ведь пригодилось, мать его метеорит!). Потом сотряслась земля, что зарегистрировали все сейсмографы планеты. Некоторые железнодорожные составы, не успевшие остановиться после команды из МЧС, сошли с рельс, но серьезно никто не пострадал. А над бывшим городом померк свет, и началось камне-грязе-мусоропадение, почти скрывшее адское свечение раскаленной воронки.

В глазах Даны тоже померк свет, и она без сознания упала на пол.

– Врача! – потребовал генерал. Врач был рядом и принял у генерала пациентку. – Срочно поговорите с ее родителями, сейчас вас соединят, спросите, что делать, когда она теряет сознание? Это приказ! – прикрикнул генерал, заметив возражения в глазах эскулапа. Адьютант протянул трубку врачу. Сам же министр МЧС погрузился в привычную деятельность по ликвидации последствий катастрофы, в масштабах которой предстояло разобраться. Но он был уверен, что без участия этой чудо-девочки масштабы были бы несопоставимо большими.

– Ваша дочь потеряла сознание в ситуационном центре МЧС, генерал приказал спросить у вас, что делать?.. Что-о-о? – возопил врач, услышав ответ. – Вынести на улицу, положить на землю? Ни в коем случае не уносить, если пойдет дождь?.. Вы в своем уме? С чего это должен пойти дождь?.. Не кричите на меня!..

– Выполнять! – рявкнул генерал. – Помоги, – приказал он

адъютанту.

Дану вынесли в прилегающий городской парк и положили на землю, сняв обувь, как прописал отец девочки. Врач посмотрел на небо – оно было пасмурно, но облачность довольно высокая, на дождь совсем не похоже.

И вдруг налетел ветер, зашумели деревья, прилетела черная туча и хлынул ливень, через несколько секунд, словно прочищая горло, гроыхнул гром, сверкнула молния и началось светопреставление. Врач не мог позволить себе убежать, оставив пациентку. Адъютант тоже с тревогой смотрел на девушку, но, зная нрав генерала, дисциплинированно принимал небесный душ.

Мокрый врач заметил, что цвет лица пациентки стал принимать живые оттенки, даже розоветь, хотя стало прохладней. Через пару минут она пошевелилась. Он наклонился и спросил:

– Вам лучше?

– Мне хорошо, – ответила она, вдруг улыбнувшись, и довольно бодро встала. Потом началось нечто, заставившее врача усомниться сначала в психическом здоровье пациентки, а потом и в своем собственном.

Девушка сначала застыла, подняв к небу руки, словно прислушиваясь к ритму дождя, а потом стала двигаться, довольно странно танцуя, это совершенно не было похоже на обычные танцы, но и на дерганья одержимых не походило. Была в этом танце своя красота и не сразу угадываемый

ритм. Даже хотелось подключиться к танцу, но мужские конечности, пожалуй, для таких движений не предназначены. А вот дождь явно в танце участвовал – это показалось обоим мужчинам. Такое впечатление, что девушка позволила им увидеть и осознать это в благодарность за то, что принесли ее сюда. С чего они это взяли?.. Разве всегда можно назвать источник наших мыслей и чувств?.. Внешний вид девушки становился все более здоровым, и врач уже не ощущал беспокорства за ее состояние.

Сначала утомонились гром с молниями, потом ослаб и прекратился дождь, а через минуту-другую выглянуло довольно веселое солнышко. Девушка остановилась и улыбнулась своим спасителям:

– Промокли? Ну, извините... Спасибо вам. Побежали в помещение, а то простудитесь.

И побежала первой.

Тихий океан впечатлил Дану настолько, что ей хотелось называть его вторым именем – Великий. Она полюбила его с первого взгляда!..

И когда добиралась на маленьком катерке Камчатского МЧС от Петропавловска до Жупаново, она, городская девушка, совершенно его не боялась. Для нее это была безусловно добрая сила. Не океан бывает жесток, а человек неосторожен.

От пустынного берега жупановской бухточки повеяло тоской. Серые дощатые развалины у впалого бока мыса, похожего на уткнувшегося морду в песок и воду серо-рыжего пса, останки завалившегося набок ржавого катера и прочие руины имели откровенно кладбищенский вид и дух. Дана моментально его учуяла. Прошрое, имеющее в качестве будущего небытие, не вызывает положительных эмоций.

На берегу стоял одинокий мужчина. Высокий и худой. Про возраст сказать издалека что-то определенное было затруднительно. Лицо его скрывали плотные волосяные заросли: волосы – до плеч, а борода – до груди.

Дану еще в Петропавловске предупредили, что в заброшенном поселке почти год живет один человек – инспектор Кроноцкого заповедника, лесник в переводе с бюрократического. Сотрудники гидрометеостанции, муж с женой, несколько месяцев назад уволились и уехали на материк к родителям – внука им рожать. Замену найти не удавалось, а тут бог послал по направлению МЧС юную романтическую дурочку, грех отказываться. Хотя сомнения были: одинокий молодой мужик, одинокая девушка. Но если сама не возражает – дело молодое. Лесник был на хорошем счету, с высшим образованием. А МЧС вместе с ней отправляло в Жупаново совершенно новое оборудование как по гидромет части, так и по вулканологии. Хотя последний вулканолог сбежал оттуда еще раньше метеорологов. МЧС же обеспечивало и спутниковую связь в онлайн режиме для передачи дан-

ных в центр. Чувствовалось, что там затевается какой-то закрытый проект.

Встречающий поднял канат, брошенный с катера, и зацепил его за кнехт на корме ржаво-рыжего бывшего плавсредства. Вместо мачты к рубке оного была пришпандорена длинная доска, на коей красовался ободранный фонарь-прожектор, куда даже тянулся провод, ясное дело – обесточенный. Об этом ее тоже предупредили и заботливо снабдили дизельным движком и соляжкой.

Дана сбежала по трапу с корабля.

– Здравствуйте! – приветливо протянула она руку местному Робинзону.

– Странно, что сегодня не пятница, – усмехнулся он, протягивая руку. – Очень вам рад, меня предупредили по спутниковому.

– Да, как ни странно, я Дана, а не Пятница и даже не Воскресение, хотя сегодня именно оно.

– Родион, – кивнул он. – Но чаще меня называют Робинном. Еще помнят, как в детстве книжки читали. А вот в том, что вы не Воскресение, не уверен... По крайней мере, метеостанцию наверняка воскресите.

– Да не я воскресу, а они, – показала она на команду, разгружающую катер. – Сегодня-завтра смонтируют установки и отбудут, а на мне только эксплуатация.

Лесник кивнул и крикнул: – Эй, на борту! Травите трос! Дана, движимая любопытством, взбежала на поросший

травой берег, возвышающийся над песком метров на пятьдесят.

Метеостанция (огороженная площадка с мачтами и приборами, да маленький домик) располагалась на мысе. Всего пару сотен метров, наверное, но на себе все равно не донести. Выручил лесник – он привел лошадь, запряженную в телегу, она и возила тяжести. На все ушло часа три. Однако наломались все изрядно и проголодались, как звери. Три матроса, капитан, два наладчика аппаратуры. Лесник пригласил гостей к себе, поскольку на метеостанции пока питаться было нечем. Да и отдохнуть негде. А у него дом лесничества, где изредка приходилось принимать и начальство из Петропавловска, и гостей редких.

Впервые в жизни Дана отведала красную икру, зачерпывая ее столовой ложкой из глубокой алюминиевой миски. Вкус её совершенно не походил на вкус баночной магазинной икры – нежная, слегка соленая с оригинальным запахом. Это было нечто божественно вкусное – типа нектара и амброзии в рыбном варианте. Да с отварной дышащей ароматным паром картошкой, посыпанной резаной черемшой, да еще с форелевым балыком... А на запив был необычный напиток – настой местных ягод: голубики, черники, жимолости, морошки, клюквы, брусники и чего-то еще незнакомого. Очень освежающее и весьма бодрящее! Странно, но алкоголя на столе не было. Лесник сразу предупредил, что сам не пьет и другим в своем доме не позволяет. А и не надо бы-

ло, потому что от тепла домашнего, сытной еды и вкусного питья и так гости слегка захмелели – было хорошо и весело. Присмотрев висящую на стене явно выдавшую виды гитару, Дана попросила у хозяина разрешения взять ее, и запела песню из репертуара своей группы про дождь, про туман, про далекий океан, про красавицу природу и изменщицу погоду.

– О! – воскликнул один из наладчиков. – Так я ж эту песню по телеку слышал-видел! А я-то все думал, откуда мне ваше лицо знакомо! По телевизору совсем не так выглядите, но я узнал – это вы там солировали, и песня ваша!

– Сдаюсь, – улыбнулась Дана. – От славы народной не скроешься. Только, пожалуйста, больше никому об этом не говорите. У меня есть очень серьезные причины не привлекать к себе внимания. Не криминальные! – подчеркнула она

– Мы будем немые, как эта форель, – воскликнул второй наладчик-метеоролог.

– Моряки своих не сдают, – заверил капитан.

– Вот и спасибо, – серьезно поблагодарила Дана. – А я вам за это покажу то, чего еще никто не слышал. Я и сама в себе этого не слышала. Только когда сюда на Камчатку прилетела да на этот берег поднялась, вдохнула всей грудью – и услышала...

Стало совсем тихо. Потом послышалось, что в окно влетел ветерок вместе со стрекотом кузнечиков и трелями птичек, шелестом трав и листвы. Следом донесся прибой океана.

Собственно, он присутствовал постоянно фоном, но теперь это уже был другой прибор, музыкальный... Только в голове не укладывалось, как голосом возможно такое изобразить? Оказывается, возможно и не такое – слышался шум дождя, плеск реки, пение китов, долетели отдаленные раскаты грома – всего и не перечислить, и не выделить из общей симфонии. А звучала а капелла именно вокальная симфония. И число инструментов в ней было неисчислимо. Дана не форсировала звук, но он легко наполнял дом лесника, души слушателей и летел за пределы человеческого жилья – стал подвывать пес, привязанный во дворе. Неподалеку не то захохотали, не то зарыдали чайки, да и прочие птицы, рассевшись на ветвях, подавали голос в тех местах симфонии, где это было уместно. Как-то угадывали.

Времени никто не наблюдал, но всякое явление природы имеет начало и конец. Замолчала и Дана. Пауза не тяготила, даря ощущение, что отзвучавшее еще звучит. Дана удивленно прислушивалась к себе: что это было? Она и сама не ожидала, ибо случилось впервые. Но ей понравилась эта новая способность. Самое интересное, что она прекрасно помнила эту импровизацию и легко могла прямо сейчас расписать в нотах. Может, и распишет позже.

Лесник поднялся во весь немалый рост и низко поклонился ей в пояс.

– Спасибо, – негромко сказал он. – Камчатка у ваших ног. Добро пожаловать.

– Это вам спасибо! – смутилась она искренне. – Без вашего внимания я не смогла бы так... довериться. А Камчатку я постараюсь не затоптать, буду ходить осторожно.

На монтаж оборудования, его ввод в эксплуатацию и обустройство дома на метеостанции ушло трое суток. В том числе, развернули энергоблок, состоявший из солнечных батарей, ветряка и дизель генератора. На все погодные случаи.

Факт включения метеостанции в общероссийскую систему метеомониторинга через систему спутниковой связи проводили дружным «Ура-а-а!». Вечером отметили событие торжественным ужином из пельменей с лососем, которые дружной компанией слепили, и другими вкусностями, выставленными на стол хозяином. Попели, поболтали, а наутро распрощались, и катер ушел.

А в это время в высоком московском кабинете шел серьезный разговор. Министр МЧС принимал главу ФСБ и его генерала из Санкт-Петербурга. Говорил, в основном, этот энергичный генерал.

– Я обязан проинформировать вас, что с согласия вашего сотрудника Даниэлы Васильевой был проведен детальнейший генетический анализ ее крови. Результаты его показали, что геном ее имеет всё, что имеет земной человек, разумеется, с естественными индивидуальными особенностями. Однако обнаружены весьма принципиальные отличия:

геном нормального человека содержит по разным оценкам 25 – 28 тысяч активных генов, то есть порядка полутора процентов всего генетического материала, большая часть которого является некодирующей ДНК или на специальном сленге – «мусорной ДНК». А у нашей общей знакомой число активных генов примерно в два раза больше – около трех процентов...

– И что это значит? – уточнил глава ФСБ.

– Я не специалист, но мне объяснили, что это дает возможность кодирования организма для выполнения таких функций, которые совершенно невозможны для обычного человека, – доложил начальнику генерал.

– Что ж, – кивнул министр МЧС, – это, возможно, объясняет замечательные способности моей драгоценной сотрудницы, уже оказавшей человечеству и нашей стране бесценную помощь по спасению человеческих жизней. Я уверен, что и дальше могу рассчитывать на ее поддержку и ждать хороших результатов.

– Не сомневаюсь, – подтвердил генерал.

– В таком случае, не понимаю, в чем проблема и чем обусловлена беседа на столь высоком уровне? Можно было бы ознакомиться с информацией в рабочем порядке.

– Этот феномен слишком быстро поднялся на очень высокий уровень в государственной иерархии, на ваш уровень, уважаемый министр. И при дальнейших успехах будет иметь возможность подняться еще выше, как на государственном

уровне, так и на общечеловеческом. А значит, получит возможность влиять на поведение человечества.

– Ну, и что, если это на пользу человечеству? – притворился, что не понял озабоченности министр.

– Вы не знаете, как приручают животных? – ухмыльнулся генерал. – Сначала их вкусно кормят, ласкают, лечат, а потом садятся верхом и загоняют в стойло или в клетку. Доят или забивают на мясо...

– Вам бы, генерал, триллеры писать, – усмехнулся министр.

– Предпочитаю их предотвращать, – угрюмо ответил генерал.

– Похвально, но в данном случае ваше предпочтение смахивает на паранойю, – уже нахмурившись, прокомментировал министр. – Предполагать, что юная, милая, бескорыстная и благородная девушка, спасающая уже тысячи жизней, покушается на ваш генеральский окорок – это уже за пределами здравого разума.

– Ну-ну, не будем углублять конфликт, – попытался успокоить оппонентов глава ФСБ. – Мы собрались, чтобы обсудить проблему.

– Которой не существует! – отрезал министр. – Не имею возможности терять время на плоды воспаленного воображения вашего подчиненного. Я не отдам вам своего лучшего сотрудника!

– Никто на нее и не покушается, – заверил глава ФСБ. –

Но если мой генерал прав, хотя бы на один процент, мы не можем оставить эту вероятность без внимания. Все, что нам нужно – это контроль над объектом, дабы не прозевать критический момент, ежели таковой возникнет. А не возникнет, так и, слава богу...

– Качество вашего сотрудника определяется, в частности, и способностью его к предвидению чрезвычайных ситуаций, – снова подал голос генерал из Санкт-Петербурга. – А разве нормальный человек может предвидеть подобное?

– Не только человек – многие животные способны лучше человека, потому что ближе к Земле. У Даниэлы эта чувствительность развита сверх нормальной меры. Сами объяснили себе особенностями ее генома. Надо радоваться, что она у нас есть, беречь ее, а вы...

– Так мы и хотим наблюдать и беречь, – улыбнулся генерал. – Не расстреливать же. Наблюдать, изучать... Убедиться, что она человек, а не...

– Засланный инопланетянин? – мрачно усмехнулся министр.

– И в этом тоже, – кивнул генерал. – И в том, что мутация, если она мутант, не опасна для человечества, что она не заразна, наконец.

– Хотел бы я заразиться ее болезнью! – серьезно воскликнул министр. – Очень такая была бы полезна для министра МЧС. Жаль, это невозможно.

– Не уверен, – сказал генерал. – В человеческий геном

встроены несколько вирусов, которые вроде бы никак себя не проявляют. Но нельзя исключать, что эти вирусы под воздействием дополнительных активных кодирующих генов активизируются и начнут передаваться от человека к человеку. Человечество изменится как вид в лучшем случае, а в худшем эти вирусы могут оказаться смертельными для обычного человека, не имеющего генов для управления ими.

– О! – воскликнул министр. – Я даже ваш диагноз знаю!

– Интересно... – приготовился услышать глава ФСБ, предпочитавший знать о своих сотрудниках все.

– Синдром Сикорски! – хищно улыбнулся министр.

– При чем тут вертолеты? – не понял глава ФСБ.

– Министр имеет в виду не изобретателя вертолетов, а главу комитета по контролю за безопасностью человечества из романа братьев Стругацких «Жук в муравейнике», – обнаружил эрудицию генерал. – Я принимаю этот диагноз как комплимент и признание моего профессионализма.

– А я – как неспособность принять подарок мироздания, как ампутацию позитивного направления развития человечества. И в меру сил своих не позволю вам это сделать.

– О! – будто бы обрадовался генерал. – Значит, вы прекрасно понимаете суть феномена и сознательно препятствуете контролю за ним!

– Можете считать и так, – кивнул министр. – Я забочусь о спасении людей, а вы тетешкаете свой синдром.

– Я доложил Президенту суть проблемы, – сообщил глава

ФСБ. – Он сказал, чтобы его лично познакомили с этой милой девушкой, тем более что и от вас он слышал о ней много хорошего. Обещал разобраться сам. Наше дело ее к нему привести. С этим мы к вам и пришли. Где она?

Министр заметил, как слегка иронически скривились уголки губ генерала, и понял, что он никогда не допустит Дану на столь высокий уровень.

– Понятия не имею, – пожал плечами министр, стараясь быть убедительным. – Я отправил ее в отпуск, куда глаза глядят.

– У вас должна быть связь! – сказал генерал требовательно.

– Когда есть связь, нет отдыха. Не замечали? – усмехнулся министр.

– А если ЧП? – не сдавался генерал.

– Это ее задача предупреждать меня о приближении ЧП. Почувствовав его, она сама выйдет на связь.

– Вы просто не хотите сотрудничать, – констатировал глава ФСБ. – Придется доложить Президенту.

– Докладывайте, – кивнул министр. – Я ему отвечу то же, что и вам, ибо это чистая правда.

– Ну что ж, – завершил визит глава ФСБ. – Надеюсь, что сообщите нам о ее местонахождении, когда выясните его.

– Непременно, – заверил министр. – Интересно было побеседовать.

Гости ушли, а он перевел дух и остался доволен собой:

вовремя он отправил Дану под другим именем на край света. А Президенту, если тот действительно этого желает, он сможет устроить встречу с ней, отправившись вдвоем в дикие места. Надо только проследить, чтобы не помешали.

Дана обживалась: отскребла до белизны деревянные некрашенные полы, вымыла окна, надраила оставшуюся от прежних хозяев посуду и самовар. Родион принес ей на пол к кровати громадную пышную медвежью шкуру.

Наведя уют, приготовила рисовый суп из продуктов, привезенных с собой и из картошки, мешок которой привез на телеге Родион. Развела во дворе (и сумела же!), самовар и позвала первого гостя. Гость принес с собой гостинцев. Прием прошел в теплой и дружественной обстановке. Даже попробовали музицировать вдвоем: он – на ее гитаре, а Дана на синтезаторе, который привезла с собой.

Уже совсем к ночи пикнула электронная почта.

«Береги здоровье! Вирус вышел на охоту», – сообщало письмо из Ташкента.

Она показала его Родиону.

– Что это значит? – не понял он.

– Что охота за мной началась... Как бы ты не пожалел, что я здесь появилась, – вздохнула Дана.

– С чего бы это? – возмутился лесник.

– Сейчас посмотрим, – кликнула она на значке прикрепленного файла. Появился запрос пароля. «Со мной с утра

не расставался Дождь» – набрала она.

Файл открылся. В нем была фотография генетического анализа ее крови с кратким экспертным заключением.

– И че? – недоуменно спросил Родион после пяти минут изучения совершенно непонятного текста.

– А то, что я либо не человек, либо сильно мутировавший человек. Вот видишь – у нормального человека до тридцати тысяч активных генов, а у меня – шестьдесят тысяч.

– Здорово! – обрадовался лесник.

– В плане здоровья это, возможно, и хорошо, но, как я понимаю, ФСБ насторожилось и хочет взять меня под контроль, грубо говоря, посадить в клетку, на всякий случай. Мы этот вариант обсуждали с шефом. Поэтому я здесь.

– Ну, и дела у вас на материке творятся, – возмутился Родион и сразу почувствовал себя Робинотом, который Гуд. – Пусть только сунутся!

– Да ладно, авось, не найдут, – попыталась успокоить его Дана, хорошо понимая, что эти везде найдут.

– Может, ко мне переселишься? На метеостанцию в первую очередь сунутся, а мой дом в зарослях не сразу обнаружат. Будет время скрыться, ежели че, – предложил Робин.

– Может, и переселюсь, – улыбнулась она. – Не сегодня. Мне надо еще подумать.

– Я тебе Волчару приведу, пусть охраняет, – решительно заявил лесник.

– Настоящий волк?

– Нет, помесь волка с камчатской ездовой, силен зверь и своих не сдает.

– А, это тот, что мне подпевал?

– Он самый, теперь ты для него своя.

Прошел месяц. Дана вжилась в суровый райский уголок планеты. Лесник с удовольствием показывал ей свои владения, а Волчара предупреждал о приближении медведей, заодно и отгоняя их. Иногда псу запрещали лаять и с интересом наблюдали за медвежьими буднями. Зачаровывающее зрелище.

Познакомилась Дана и со здешним дождем. Он был необычен – как бы заодно с океаном и частыми туманами. В результате она стала чувствовать не только небо и землю, но и океан до самого его дна, столь близкого к ядру планеты, что было боязно обжечься.

Мэйлов из Ташкента больше не поступало, но Дана знала, что в нужный момент министр ее предупредит, если сможет. Она на него надеялась, но, как и положено, ушки всех ее клеточек всегда чутко прислушивались к миру.

Эти ушки, конечно, слышали и высокочастотные колебания влюбленной души лесника, но резонанс не возникал, она и сама не могла понять, почему...

Они шли вверх по реке в густом тумане, из-за которого Родиона порой трудно было разглядеть впереди. Однако

Дана вдруг обнаружила, что видеть его ей не обязательно – чуть заметные покалывания по коже четко обозначали его координаты и факт присутствия. Потом подул ветер, рассеяв туман, и начался дождь. Дана долго сопротивлялась его настойчивым толчкам, но когда одежда промокла насквозь, сопротивление оказалось сломлено – Дана стала погружаться в единение с дождем, снимая с себя мешающую одежду. И уже не шла по тропе, проложенной Родионом, а, подчиняясь ритму дождя, принялась танцевать.

Родион же, казалось, и не заметил разверзшихся хлябей небесных. Вошел в свой ритм, отключившись от внешнего мира. Отсутствие Даны заметил минут через десять. Обернулся и испугался.

– Э-ге-гей! – крикнул он.

Даже эхо проигнорировало его зов. Побежал назад по тропе. Через пять минут сквозь хлюпанье и шелест небесных струй послышалось ее пение. Как сказал бы Бах, дождь был плохо темперирован, а пение темперировано профессионально, хотя и не было человеческой песней в привычном понимании. Лесник выбежал на кочкастый лесной кусочек тундры и замер: на площадке диаметром метров в пятьдесят танцевала Дана, подпевая себе. Ее одежда была разбросана по краям тундровой лужайки, и по телу стекали ручьи. Из-под притоптывающих ступней взлетали веселые брызги.

Родион почувствовал, что его сознание медленно отключается, поддаваясь колдовскому звучанию песни и завора-

живающему ритму танца. Он ощутил свободу от всего того, что гнело его в последние дни. Ему опять стало легко и хотелось подчиниться этому танцу. Он сбросил с себя дождевик, сапоги и все остальное, потому что оно было совершенно неуместно. И, наконец, позволил себе выйти на танцундр. Хотя, если честно, ноги и не спрашивали его разрешения, а сами пустились в пляс. Ритм овладел его телом, и оно двигалось ничуть не менее гармонично, чем тело Даны.

А Волчара из леса с интересом наблюдал за происходящим.

Она сначала почувствовала присутствие танцора, потом увидела, обрадовалась и стала, танцуя, приближаться. Он двинулся навстречу. Когда кончики их пальцев соприкоснулись, Родиона пронизала молния, которая почему-то его не сожгла, а наполнила радостью и совершенно новым мироощущением, словно он выскочил из крошечной темноты на солнечную поляну: в первые мгновения ослеп, а потом узрел фантастическую красоту. Знакомый до мелочей мир изменился, потому что он теперь иначе его чувствовал.

А Дана вдруг поняла, что душа ее оттаяла и открылась навстречу другой душе. Клеточки, наконец-то, принялись резонировать. Дождь вдруг обрел плоть, и Дана бросилась в его объятия. Ей казалось, что она ждала этого мгновения всю жизнь. Возможно, так и было. Они были молоды, радостны, нежны и полны музыкой жизни, а дождь все лил и лил, временами превращаясь в водопад – так тесно сплетались

струи, струны, тела, души. И в момент наивысшего слияния вдруг послышался подземный гул, потом земля содрогнулась, и раздался звук взрыва – выбило вулканическую пробку из кратера неугомонного Карымского вулкана.

Дана улыбнулась и шепнула:

– Извини, не удержалась...

– Ты о чем? – не понял бывший Родион, превратившийся в Ромео.

– О вулкане, если бы не я, он бы еще потерпел.

– Все нормально, – успокоил он ее. – Лучше много маленьких извержений, чем одно большое.

– Для вулкана может быть, – хихикнула она. – Хотя... хочу быть вулканом!

Дождь еще долго тщетно пытался охладить их разгоряченные тела. А потом вышло солнце, позолотив последние капли веселого дождика.

Они встали с тундрового ложа и, взявшись за руки, пошли в реку. Она слегка охладила их своей семиградусной водицей. Впрочем, Дана прохладе только обрадовалась, не испытывая ни малейшего дискомфорта, а Ромео, энергично пофыркав и поныряв, поспешил обратно на берег. Он, конечно, привычен к такому купанию, но длить его желания не возникло.

А Дану вдруг наполнило чувство реки, будто она сама стала ею, и ощутила себя до последнего впадающего ручейка, до ледников на склонах вулканов, до малюсенького малька.

Она приняла свое новое тело, которое замечательно чувствовало себя в воде и, оказалось, было способно дышать в ней. Она несколькими движениями набрала скорость и вылетела из-под воды в воздух, огласив окрестности радостным криком-песней. Родион с восторгом смотрел на нее, летящую над водой, и был счастлив оттого, что нашел свою любовь. Пусть она русалка, пусть богиня, но она любит его, и он это чувствует.

Дана, красиво изогнувшись, вернулась под воду, и тут зазвонил телефон – спутниковый везде достанет, если зарядка не кончилась, а у них обоих были телефоны с солнечной подзарядкой. Родион по звуку понял, что это телефон Даны, но найти его было не так-то просто. Он двигался на звук, мысленно призывая звонившего к терпению. Нашел в кустах шиповника.

– Алло! – крикнул он, запыхавшись.

– Представьте, пожалуйста! – ответил ему строгий начальственный голос.

– Лесник-инспектор Жупановского участка Кроноцкого заповедника Родион Бойцов! – по-военному четко доложил он.

– Почему телефон у вас? Где Дана?

– Представьте и вы! – потребовал Родион.

– Министр чрезвычайных ситуаций, генерал-майор... – перечислил свои регалии звонивший. – Больше никто не может позвонить ей. Где она?

– В реке, купается, увидела – выходит.

– Так, Бойцов, правильная у тебя фамилия – скоро придется оправдывать. К вам летят на вертолете гости незваные и нежеланные, твоя задача спрятать Дану так, чтобы они не нашли. И прикидывайся валенком, пока я не прибуду.

– Так я понятия не имею, где она – сам с ног сбился, уже неделю ищу по всему заповеднику... А как я вас узнаю, товарищ генерал-майор?

– Ты что, телевизора не смотришь?

– Так у меня его нет.

– Ты, похоже, не лесник, а Леший, – хмыкнул в трубку министр.

– И так называют, – не обиделся Родион, глядя, как она выходит из воды. Ничего прекрасней в жизни не видел. – Подошла.

Он протянул ей телефон.

– Здравствуйте, товарищ министр, – радостно откликнулась Дана и посерьезнела, выслушивая информацию.

– Да, – сказала она, – теперь мне это будет нетрудно.

– Что-то изменилось?

– Да, сегодня я почувствовала новые способности. Они мне и помогут. И Родион тоже. Да, ему можно полностью доверять. Как же они меня нашли?

– Во-первых, профи, во-вторых, не надо становиться звездой интернета, если хочешь скрыться.

– Вы о чем?

– О твоей странной песне, которая вскружила головы всему миру.

– Я не записывала и не выкладывала! А-а, это, наверное, наладчики аппаратуры.

– Возможно... С тобой хочет лично встретиться Президент. Генерал, тебе знакомый, сделает все, чтобы этого не произошло, он боится тебя – профессиональная паранойя, не знает, кто ты.

– А вы знаете?

– Я знаю, что ты то ли само Добро во плоти, то ли посланница Добра, возможно, та, чьего Пришествия ждут все христиане мира. Впрочем, я атеист. А сама как думаешь?

– То я чувствую себя просто девушкой, человеком, то рекой, то океаном, то облаком, то... планетой.

– Всем бы нам такое чувство! – воскликнул генерал. – Может, мерзости в человечестве уменьшилось бы... Так, начинайте действовать! Они будут с минуты на минуту. Дай трубку леснику.

Дана передала телефон.

– Так, Леший, диктуй мне свой номер спутникового... Все, время пошло! – дал отмашку министр. – Действуйте!

– Они прибудут в Жупаново через пятнадцать минут, – сказала она, собирая свою разбросанную одежду.

– Идем, я покажу тебе укромную пещерку, ни за что не найдут, – позвал он ее.

– С собаками и тепловизорами везде найдут, – криво

усмехнулась она.

– Ну, собак, если будут, возьмет на себя Волчара, он это умеет, – пообещал лесник.

– А я научилась менять температуру тела, – буднично сообщила Дана. – Смогу обмануть тепловизор... Представь маршрут!

Он легко представил, ибо знал, как свои пять пальцев.

– Ясно, – кивнула она. – Но я буду действовать по обстоятельствам, скорее всего, перемещаясь, чтобы держать расстояние. От вертолета, правда, придется прятаться. А ты быстро иди к поселку, скажешь, как и собирался, что я пропала, даже Волчара не может след взять. Генерал поверит.

– Но я боюсь тебя одну оставлять!

– Не бойся, я – часть этой природы, она меня не выдаст.

Она уже облачилась в походную одежду и сапоги и, поцеловав его в щеку, бегом скрылась в лесу.

В правильном направлении, – отметил про себя Родион.

К поселку он вышел через два часа. Два вертолета стояли неподалеку от метеостанции, на мысе.

– Здравствуйте, – подошел к ним лесник. – Кто вы? Зачем здесь?

– Еще я первому встречному не докладывал, – зло ответил незнакомый генерал. Было видно, что он раздосадован отсутствием цели.

Волчара у ног лесника строго зарычал. Он не терпел, когда

повышают голос на хозяина.

– Обязаны доложить, – нахмурился Родион. – Я инспектор заповедника, должен знать, кто прибыл и с какими документами.

– Что-то ты больно разговорчив! – прикрикнул генерал. – Я генерал ФСБ. Если ты должен все знать, то доложи, где хозяйка метеостанции, почему не на работе?

– Я как раз ходил ее искать, – вздохнул лесник. – Уж неделю, как нет. Сказала, что идет на гидрологические измерения по местным рекам. Я думал, что к вечеру будет, но не к вечеру, ни на следующий день, ни до сих пор... Пошел искать – беспокоюсь. Медведи тут шалят. Однако следов никаких нет. Вот даже пес след не берет.

– След, говоришь, не берет? – насторожился генерал. – Обычно берет, а теперь не берет?

– Так точно! – вытянулся по стойке «смирно» лесник. – То есть, ежели отсюда, то берет, а потом теряет, будто вплавь по реке ушла. Только моторки у нее нет, да и весельной тоже. Пешком ушла...

Впитывая информацию, генерал на глазах подтягивался и принимал охотничью стойку. Теперь, ему казалось, он знал, как действовать.

– Карту! – приказал он.

Ее тут же разложили на раскладном столике, прижав от ветра двумя пистолетами.

– Полковник, вы на своем вертолете сейчас на заставу –

возьмете проводника, а наряды пошлете по рекам вверх. Человек пропал! Женщина! Мы обязаны! Возьмете себе вот эту и эту... Ты, инспектор, летишь со мной, будешь показывать укромные места.

– Я устал, проголодался, – попытался отказаться Родион.

– На борту перекусишь! На, подкрепишь, – протянул он ему флягу с коньяком.

Родион понюхал и вернул:

– Не пью.

– И откуда ты здесь такой? – удивился генерал и забрал флягу. – По машинам! На связи! – скомандовал он, и охота началась.

Родион всякий раз, глядя на лес с вертолета или самолета, удивлялся, как он редок временами, а когда сквозь него идешь – продираться приходится. Разве что кедрач-стланник способен укрыть дичь. Медведи внизу разбегались, слышав шум вертолета. Зверье поменьше – росوماхи, лисы, редкие волки – тоже спешили скрыться, олени ломились сквозь заросли. Оператор у тепловизора чертыхался – слишком много теплокровных попадает. Снайперы высунули свои крутые карабины в открытые двери и через оптику следили за землей.

«Неужто выстрелят, если заметят? – засомневался Родион. – Да не может быть!.. Только прицелься, сволочь, выкину на фиг!»

Дана вышла на берег, оставив одежду в пещерке под камнями – кстати, очень удобное сухое и теплое укрытие, – и проводила взглядом удаляющийся вертолет. Запоздало удивилась, как легко ей удалось сначала выровнять температуру тела с окружающей средой, а потом восстановить. Она чувствовала, что вертолеты министра МЧС вылетели к Жупаново. Надо спешить. Она обещала встретиться.

Вошла в реку Новый Семячик и нырнула, представив себя нерпой. Вниз по течению плыть было очень легко и быстро. Примерно через час она уже была в Семячикском лимане, вынырнула, взяла направление и поплыла к Жупаново. Три километра при попутном морском течении не расстояние. Тем более, когда вокруг фантастически красивый подводный мир...

Зазвонил телефон генерала. Он ответил и тут же громко чертыхнулся, посмотрев на часы.

Вертолет пошел на разворот. Генерал заорал в трубку:
– Полковник! Разворачивайся и обратно на мыс! Президент в Жупаново прибывает, надо обеспечить безопасность! Если обнаружите наш объект, стрелять на поражение без предупреждения. Может быть совершено покушение на Президента!.. Застава? Капитан, всех в ружье, обеспечить охрану периметра поселка Жупаново. Прибывает Президент. Самим не приближаться! Никого не впускать! Жди-

те приказов!

Вышел в салон.

– Стрелки! Повышенная готовность! При обнаружении объекта стрелять на поражение во избежание покушения!

И внимательно посмотрел на лесника.

Родион пожал плечами и отвернулся, изобразив, что его дело маленькое.

И тут зазвонил телефон лесника. Генерал прислушался.

– Да, шеф, – бодро заорал в трубку Родион. – У меня тут гости, сопровождаю на вертушке... Не, все в порядке, летим к кордону. Оттуда позвоню. Здесь ни фи́га не слышно. Пока.

Генерал отвернулся.

А министр повернулся к Президенту и доложил:

– Летят сюда, нашу подопечную не обнаружили. Надо будет отослать их сразу.

– Разумеется, – кивнул Президент. – Я рассчитывал на уединенный отдых на дикой природе. – Они сидели на раскладных креслах на краю мыса и любовались великолепным океанским пейзажем.

– Смотри, – показал рукой на бухту президент. – Кто-то выходит.

Генерал тоже увидел обнаженную женщину, выходящую из приобья на песок.

– Афродита, кто же еще, – улынулся он. – Она верна слову, всегда.

– А почему голая? – удивился президент.

– Боги сраму не имеют, – усмехнулся министр.

В это время послышался рокот вертолетов.

– Вот черт! – ругнулся министр. – Им бы лучше не встречаться!

Дана тоже услышала и на глазах изумленного главы государства превратилась в большую белую собаку, которая встряхнулась и побежала на мыс. Подбежав, ткнула носом в бок министра.

– Дана? – уточнил он.

– Д-да, – басовито гавкнула собака и потерлась головой о ноги президента. Он улыбнулся и погладил ее по голове. Такие мощные собаки всегда были его слабостью.

Лесник с тревогой вглядывался в приближающийся бывший поселок, в берег, и ощущение сжатой пружины отпускало – никого, кроме вертолетов и каких-то людей там не было. Женщин, во всяком случае, он не заметил.

– Никого? – кричал генерал и сам себе отвечал: – Никого. Успели, теперь не подпустим.

Вертолеты приземлились поодаль от правительственных машин в небольшой низинке на том же мысу.

Генерал выскочил и побежал в горку.

– Товарищ Верховный главнокомандующий! Разрешите доложить?

– Докладывайте, – поморщился Президент. Генеральский рык не вязался с умиротворяющим пейзажем.

– Совершали поиск пропавшей служащей метеостанции.

Безуспешно. Есть предположение, что погибла. Вон лесник докладывает, что неделю назад пропала.

– Благодарю, генерал, – кивнул Президент и погладил белую собаку, смиренно сидевшую рядом. – Можете возвращаться в Петропавловск и затем в Санкт-Петербург. У вашего начальника есть распоряжение на ваш счет. Мы тут сами продолжим поиски. Будем надеяться на лучшее.

– Но я должен обеспечить вашу безопасность! – возразил генерал.

– Вы должны исполнять мои приказы, – строго сказал Президент. – О своей безопасности я позаботился.

– Разрешите исполнять? – взял под козырек генерал. Было видно, как он раздосадован. Его взгляд испепелял министра, но... Генерал был военным человеком.

– По машинам! – скомандовал он, спустившись к вертолетам. Его не оставляло чувство, что его обвели вокруг пальца.

Когда вертолеты взлетели, он посмотрел вниз: две собаки весело носились друг за другом, а лесник стоял перед министром и Президентом, что-то докладывая.

– Может, и правда сгнула? – приготовился он согласиться с неизбежным. – Что ж, земля ей пухом. Жаль, провести исследования с дознанием не удалось...

Президент подозвал к себе начальника службы безопасности и распорядился:

– Наверняка пограничники стоят в оцеплении, проследите за тем, чтобы их отправили на заставу. И своих ребят –

туда же, пусть отдыхают.

– Но...

– Никаких «но»! У нас тут совершенно секретные мероприятия. Никто не должен знать! Кроме вас... Выполнять срочно!

Безопасник провел переговоры по телефону, погрузил своих ребят в вертолеты и приказал отправляться на заставу.

Когда вертолеты улетели, собака подбежала к высоким гостям, весело гавкнула и предстала перед ними в виде прекрасной девы, слегка окутанной туманом.

– Ну, здравствуйте, Дана! – поклонился Президент. – Вы же Дана?

– Да, я Дана.

– Как вам все это удалось? – показал президент на Волчару, а потом остановив взгляд на нынешнем ее облике.

– Я просто выгляжу так, как хочу выглядеть, – улыбнулась она. – Идеальный вариант для женщины, не так ли?

«И для разведчика», – подумал президент, а вслух спросил:

– А все же, кто вы?

– Мне кажется, что я – будущее человечества, – ответила она, подумав. – Но в будущем никто не может быть уверен наверняка.

– А мне нравится такое будущее, – засмеялся президент.

Дана в ответ улыбнулась, но... вдруг отключилась от общения.

Министр сразу понял, что она прислушивается к тому, что им слышать не дано, и ему стало тревожно. «Вот и отдохнули...», – подумал он, но Дане не докучал.

Президент тоже насторожился, хотя впервые видел «чудо природы» в работе.

Вдруг, будто бы ниоткуда, ливанул дождь. Дана пошевелила губами, беззвучно прошептав: – Спасибо.

Никто не шевелился, опасаясь сбить настройку. Только Волчара тихо заскулил. Всем казалось, что и они участвуют в процессе. Так оно и было, потому что они увидели вместе с Даной, как напирают друг на друга Тихоокеанская, Евразийская и Северо-Американская тектонические плиты, ощутили невероятные напряжения, возникающие на их стыках и распространяющиеся к центру. Увидели рождение новой гряды вулканических островов, параллельной Сахалину, Курилам и Японии, и следом – рост громадной волны цунами, готовой накрыть и Курильские, и Командорские острова, и Сахалин, и Японию.

И каждому было дано ощущение: мало времени!

Дана открыла глаза:

– Объявляйте эвакуацию, товарищ Президент! – сказала она.

– Уже выхожу на связь, – ответил он. – Успеем?

– Постараемся, – пообещала Дана.

– Я вызвал гидросамолет с центром управления, – сообщил министр. – Будем работать здесь.

– Соедините меня с премьер-министром Японии, – приказал Президент по защищенной линии.

«А мы с Волчарой будем медведей отгонять, – решил Родион. – И кормить спасителей и спасателей»...

Глава 2. Селедка под шубой

Наше время

«Самой лучшей из сельдей справедливо считается жупановская, которую ловят в Кроноцком заливе вблизи Камчатки..»

Древняя кулинарная энциклопедия

Вода завораживала. Казалось, что нескончаемый поток жидкого изумруда течет и переливается в лучах солнца мгновенными бриллиантовыми гранями. Алевтина всякий раз впадала в состояние медитации, когда созерцала водяной поток. Неважно, побольше была река, типа Нового или Старого Семячика, или оказывалась одной из бесчисленного множества речушек, стекавших с сопок и вулканов в Тихий океан на побережье Кроноцкого заповедника – знаменитой в мире Камчатской жемчужины зимой и изумрудины летом. От малых рек даже глубже впадала в транс, потому что они ближе и интимней, не давили своей мощью. Вода была столь прозрачна, что Алевтина видела рыб, элегантно изгибающихся торсом, камушки на дне, тоже с удовольствием изображающие драгоценности, по-женски распущенные волосы не то водорослей, не то русалок, влекуще и заразительно развевающиеся вдоль течения. Алевтину подмывало ныр-

нуть в эту сказочную глубину, чтобы и ее волосы так же вплелись в водные струи. Только вот незадача – была Алевтина коротко стрижена, ибо так удобней в экспедиции – и мусор лесной не так цепляется, и содержать их в аккуратности не составляет труда.

Вывел ее из созерцательного состояния громкий «плюх» выше по течению. Она посмотрела в ту сторону и увидела медведя, вынырнувшего на поверхность с лососем в лапах и весьма довольной мокрой мордой. Тем временем течение поднесло его прямо к Алевтине. Медведь укоризненно глянул на нее и отвернулся, утвердившись на дне, мол, не смотри в рот, не смущай интеллигентного зверя. Она решила, что не стоит портить аппетит мишке, и пошла к биостанции. Время прогулки действительно закончилось. Хотя прогулкой это можно было считать лишь условно, потому что просто прогуливаться, не наблюдая водную и земную фауну, никто из работников биостанции не мог по профессиональному определению: глаз все замечал, а мозг фиксировал и запоминал. Рыбой в речке Алевтина не только любовалась, но и фиксировала все ее биологические параметры. То же касалось и медведя – он был ее старым знакомцем и почти другом, насколько такое возможно. Когда он был медвежонком, она ему несколько раз ставила лукошко с малиной и другими ягодами, которых здесь было полно: морошка, голубика, жимолость, брусника, клюква и прочие вкусности, и наблюдала издалека, как он лакомится. Можно было не сомневаться,

что он запомнил ее запах и от лукошка, и от почвы, и легчайший – от воздуха.

Алевтина знала, что Уолт, рыжий американец из Нью-Йорка, и Лан, прелестная кореянка из Пхеньяна, находятся на облете Семячинского лимана и окрестностей, дабы лично наблюдать за животным населением этого благодатного участка заповедника. Конечно, видеонаблюдение ведется и фиксируется в автоматическом режиме, а программы мониторинга все это анализируют, классифицируют и раскладывают по электронным «полочкам», то есть по таблицам, графикам и базам. Но полет на их любимой «Стрекозе» – это особое удовольствие и духовное, чувственное, интеллектуальное общение с природой, без которого не возникает естественного ощущения единства с этой природой, без коего специалист ты никудашный и никчемный. Алевтина тоже любила такие полеты, но в последнее время старалась чаще и дольше оставлять Лан наедине с Уолтом, который, естественно, космос и сын Манхеттена. Чувствовала их тягу друг к другу. А поскольку полюс притяжения Алевтины был в другом месте, то она предпочитала, когда появлялась возможность, летать на «Стрекозке» одна и в другую сторону. Там тоже изумительная природа, живность, за которой было интересно и нужно наблюдать и испытывать с коей чувство единения... Впрочем, над лиманом она тоже летала по производственной необходимости.

Алевтина выпила ягодного напитка, настоянного на све-

жих местных ягодах и замечательно бодрящего, и вошла в интеллектронную систему, мониторящую практически весь заповедник, частично через видеокамеры, частично (не обвешаешь же все деревья и скалы камерами) через спутниковую систему наблюдения.

Увидела она и «Стрекозу» над лиманом, уже направляющуюся к местам брачных игр серых китов, и реки, впадающие в него, а по ним, идя вверх по течению, проследила ситуацию до вулканов – Большого и Малого Семячика. Там, в международной экспедиции вулканологов и находился полюс ее сердечного притяжения. Но со спутника его сейчас видно не было. Работает человек.

Собственно, можно было и не рассматривать пейзаж, система обнаружила бы неординарную ситуацию и сообщила о ней.

Особое внимание обратила она на информацию о косяках рыб в прибрежной зоне и, особенно, в зоне лимана, где пищи для них было в избытке. Желанной целью для Алевины была информация о сельди, из-за которой она, собственно, и стала ихтиологом. Еще в далеком и глубоком детстве Аля увлекалась изучением поваренной книги, подаренной ей любимой бабушкой, родившейся еще до Пробуждения. Бабушка была по годам очень старой, но настолько бодрой, что внучка утомлялась в играх гораздо раньше бабушки. Но не об этом речь. А о том, что в книге было написано: *«Самой лучшей из сельдей справедливо считается жу-*

пановская, которую ловят в Кроноцком заливе вблизи Камчатки. Она довольно крупна, ее отличает исключительно богатое содержание жира и своеобразный, приятный вкус. Малосольная жупановская сельдь относится, несомненно, к непревзойденным по вкусу, самым изысканным рыбным изделиям».

Она не могла понять фразы «вблизи Камчатки», потому что Кроноцкий залив и есть самая настоящая Камчатка. Но, видимо, автор поваренной книги думал, что океан, омывающий берега полуострова, это уже не Камчатка. Удивило ее тогда странное название «жупановская». Она и спросила:

– Бабуль-бабуль, а что такое «жупановская сельдь»? Она, правда, такая вкусная?

– Так кто ее знает, Аленушка, – пожалала плечами бабушка. – Она, мне кажется, закончилась, когда я еще не родилась, а книжка мне от моей бабули досталась. Там много такого, что нам с тобой уже не попробовать. Ты в интернете-то покопайся – и откопаешь.

Откопала... И узнала, что «если, прочитав кулинарную энциклопедию, кому-то вдруг очень захочется попробовать данный деликатес, то знайте, что сельди, называемой «жупановская» или «жупановка», давно уже нет, и большинство жителей полуострова, в том числе даже рыбаки, в наше время вряд ли хорошо представляют себе, что же это была за рыба.

В 1930-х годах, когда на Камчатке только начал раз-

виваться крупномасштабный отечественный вылов рыбы, основными объектами промысла камчатских рыбаков в Кроноцком заливе являлись лососи и сельдь. Но это была не хорошо известная сегодня любителям зимнего подледного лова озерная сельдь, воспроизводящаяся в лагунном озере Калыгирь, а крупная, морская. В летне-осенние месяцы ее в больших количествах ловили в центральной части залива и сдавали на рыбокомбинат, базировавшийся в расположенном на побережье поселке Жупаново. Здесь из нее выпускали отменного качества соленую продукцию, пользовавшуюся доброй славой у населения Дальнего Востока да, пожалуй, и всей нашей страны. Потому-то сельдь и называлась – «жупановская». Чем же она была так знаменита? Дело в том, что «жупановская» сельдь обладала крупными размерами (длина отдельных рыб превышала 40 см) и больше чем на треть (точнее до 33—35%) состояла из жира, превосходя по жирности все мировые аналоги. А, как известно, при таком содержании жира в мясе соль практически не чувствуется. В 1930-1940-е годы камчатские рыбаки добились столь высоких уловов «жупановской» сельди, что гремели на всю страну. Однако в 1950-х годах она начала все реже и реже образовывать устойчивые промысловые скопления у берегов восточной Камчатки, и в 1960-х годах ее совсем не стало ни в Кроноцком заливе, ни в соседних районах восточного побережья полуострова. С исчезновением «жупановской» сельди сначала закрылся Жупановский ры-

бокомбинат, а затем в 1970-е годы – и поселок».

Альке стало до слёз жалко эту вкусную селёдку, которую не могла попробовать ни бабуля, ни она сама. Жалко и обидно. И она сгоряча пообещала бабуле, что вырастет и найдет в море эту самую таинственную жупановскую селёдку. Бабуля только похихикала, а для Алевтины это стало целью жизни. А что, нормальная цель, справедливая, не хуже других. Почти божественная – воскресить умерших. Хотя Алька в Бога не верила, как и все, родившиеся после Пробуждения.

Уже в школе она была знакома с заключением изучающих сельдей специалистов-ихтиологов о том, что в Кроноцком заливе никогда не существовало своего стада этой рыбы, а «жупановской» сельдью называли наиболее крупных особей гижигинско-камчатской популяции, которые в годы высокой численности мигрировали сюда из Охотского моря для откорма. Мол, тех сильных и крупных, которые были способны на такие заплывы, аж на другое побережье Камчатки, выловили и съели, а у оставшейся мелочи сил на это не хватало. И запрет на вылов не исправил ситуации. Логично, но почему-то Алевтину не убедило. Может быть, потому что противоречило цели ее жизни? В институте она узнала, что некоторые крупные формы сельди имеют 54 хромосомы, а мелкие – 52. Пусть речь шла о другом виде, но это многое объясняло. Стало ясно, что речь идет не о крупных и мелких особях, а о разных подвидах. Те самые пятидесятичетырех-

хромосомные (а чем природа не шутит – возможно, исчезнувший подвид имел и иной хромосомный набор) почему-то знали, куда надо плыть, чтобы жир нагулять, а эти оставшиеся не имеют ни понятия, ни стремления. Значит, в генной программе не заложено. Может, они и нерестились где-то здесь, а вовсе не Гижигинской губе или в Пенжинской? Вот после окончания института Алевтина и вытребовала себе распределение в Кроноцкий заповедник, дабы у нее был хоть какой-то шанс достичь поставленной цели. Не для того, чтобы от пуза покушать, а чтобы справедливость восстановить и данное слово выполнить, хотя бабушки давно уже в живых не было. Разве для выполнения обещания необходимо присутствие тех, кому было обещано?..

Но пока никаких оснований для надежд не обнаруживалось. Сельдь попадалась, но совсем не та – почти обыкновенная тихоокеанская, хотя тоже замечательная селедка. Наверняка близкая родственница, но хромосомы подкачали. Может, «жупановская» сельдь – селедочный даун, как люди с лишней хромосомой? И природа с помощью человека избавилась от генетического «брака»? Ей-то невдомёк, что «брак» был столь вкусен, что не один век о нём помнят и мечтают.

Алевтина и сама ныряла, и роботов-подводников отправляла, постоянно проводя подводную проверку вероятных мест нереста сельди с мая, а в теплые годы даже с апреля и до конца июня-начала июля на прибрежной литорали, то

есть части дна, открывающейся во время отлива, и на глубинах 7—10 метров, которые оставались под водой. Искала и на участках, заросших водорослями, на которых нравятся нереститься сельди, и на лысых – мало ли какие предпочтения у «даунов», но безуспешно. Нерестились многие, но не те, кого она искала. Биоанализатор определял это достаточно быстро и точно. Исследовала она и контрольные выловы рыбы и в ночное, и в дневное время, надеясь обнаружить хоть один экземпляр своей вожаделенной рыбёхи. Попадались лишь редкие экземпляры сахалинской и командорской сельди, хорошо изученной и описанной в научных трудах.

Ничего не скажешь – рыбы в лимане было, хоть лопатой греби, и жировала она от пуза, но ни одного селедочного «дауна» не обнаружилось. Жаль, но другая рыба – тоже щедрый и вкусный дар матери-природы, за который надо быть благодарными и беречь, не сжирая безоглядно.

Проконтролировала Алевтина и поведение серых китов, за которыми сейчас наблюдали Уолт и Лан. Хорошо себя вели киты: любили друг друга и ласкали да песни нежные пели – интеллектрон очень душевно воспроизводил их рулады. А после того, как лингвистический анализ обнаружил вполне устойчивую знаковую систему, лингвисты и ихтиологи всего мира принялись расшифровывать (некоторые скептики утверждали, что сочинять) язык китов. Уолт тоже этим был весьма увлечен, разрабатывал электронного «говоруна»

для китов, чтобы пытаться с ними общаться, и даже пыжился делать поэтические переводы их любовных песен. Но женщинам не показывал. Видимо, не для женского уха получалось. Не для человеческого женского. Китовые женщины очень даже благосклонно реагировали на серенады. Альке было очень любопытно, однако она даже мысли не допускала поинтересоваться без дозволения.

Но, как ни отлынивай, а пришлось-таки заняться главным: она давно уже углубилась в имитационное моделирование генетической модификации сельдей разных подвигов. И дело даже не в количестве хромосом – она почти уже сообразила, как его увеличить. Проблема в программе, которая в них записана. Ну, у некоторых подвигов беломорской сельди 54 хромосомы, но ведь там записано, что нереститься они должны на литоралиях Белого моря, и не на любых, а на конкретных. И что им делать в Кроноцком лимане? Прокладывать самоубийственный маршрут к нерестилищу? Как научить эти биокомпьютеры перепрограммироваться в соответствии с предлагаемыми обстоятельствами?.. И даже если пятидесятичетыреххромосомные беломорские сельди соблаговолит отнереститься в Кроноцком лимане, это вовсе не означает, что возникнет из небытия «жупановская» сельдь. Селедка – не Лазарь, а Алька – не Христос, чтобы ее воскрешать. Только сдаваться обидно: уж, наверное, Лазарь – посложнее селёдки. Даже у «жирной» беломорской сельди жирность в районе 20% – явно не «жупановская».

Максимум жирности имеет тихоокеанская, значит, и искать надо здесь. Или, в крайнем случае, брать за основу при генетической модификации. В крайнем – потому что это уже не воскрешение, а сотворение, и нет никакой гарантии, что это и будет «жупановская» селедочка.

Имитационное моделирование генетической модификации – процесс очень увлекательный и требующий полного погружения. Не потому, что интеллектрон не может без человека обойтись – вполне может и обходится, – просто человеку очень интересно, что и как получается. Поэтому Алевтина и не услышала стрекотания «Стрекозы» на летном поле и веселых голосов своих коллег на крыльце.

– Й-е-и-у-у-у-а-у-е!.. – завопил Уолт, пинком распахнув дверь, ибо руки у него были заняты Лан.

Алевтина вздрогнула и обернулась на вой.

– Совсем сбрендил? – спросила она. – Чего орёшь?

– Нет, бренди я не пил! – заявил Уолт, бережно ставя Лан на пол. – Китом я серым был! Его душа поёт и всех с ней петь зовёт.

– Ну, если ты кит, то надо было не в дом ломиться, а в океан погружаться.

– О, йес! – обрадовался он идее. – Лан, пойдем поплаваем! Киты мы или не киты, в конце концов!

– Я голодна, как волк, – хмыкнула Лан. – Иди сам свой планктон цеди через усы. А мне бы мясца и побольше.

– И мне, – поддержала Аля.

– Фу, хищницы, – смеясь, осудил Уолт.

– Фи, травоядное, – презрела его Лан.

– Планктон – не трава! Позор ихтиологу-двоечнику!

– Фи, ракоядное, малышай пожираешь, – исправи-
лась Лан.

– Кстати, о раках, – вспомнила Аля. – Я загрузила
в кастрюлю крабов, надо только включить. Воду посолила!
А в холодильнике буженина есть. Займитесь-ка готовкой, киты,
я сейчас закончу и присоединюсь.

Алаутдин, или, как она его называла на евро-американ-
ский лад, Аладдин вышел на связь, когда они уже кончили
трапезу. Душа мурлыкала в унисон с телом – очень прият-
ный дуэт.

– Привет тебе Алеф, дочь Аллаха! – воскликнул он, имея
в виду, что «алеф» – первая буква в имени Аллаха и она
может принадлежать только его дочери. И ничего он не хо-
тел знать о греческом толковании имени, означавшем нечто
вроде «благонравная». Хотя искренне признавал ее благой
нрав. Притом, что и он был совершенным атеистом. Аллах
для него оставался великой Поэзией его народа, бессмертной
его сказкой, помогающей жить и выживать в пустыне бытия.
И идеалом, к которому следует стремиться не только его на-
роду, но и человечеству, ставшему теперь единым народом.
И как нет двух похожих капель, так нет в этом народе и двух
похожих людей. Каждый неповторим и каждый – капелька

Аллаха.

– И тебе привет, верующий в отца моего, – подыграла она другу. – Я уж думала, что не дождусь.

– Мы были там, где нет связи, – тихо сказал он.

– Я знаю, – так же тихо ответила она, глядя в глаза его голограмме. Он был очень красив – настоящий сын своего Аллаха. Бриллиант красоты арабского мужчины, который почему-то лазил по вулканам, где этот бриллиант запросто мог сгореть. Когда она высказывала ему свои опасения, Алаутдин только смеялся: поведение вулканов отслеживается в непрерывном режиме, и при малейшей опасности поступит приказ, как это по вашему – «вырвать когти»?

– Рвать когти, – хихикнув, поправила Аля.

– Жестокие у вас идиомы, – покачал он тогда голографической головой. – Вот я моментально буду рвать когти, а тебя в любой момент может проглотить какая-нибудь касатка, или, не заметив, засосать вместе с планктоном кит, а то и акула нападет. Они с глобальным потеплением стали заплывать и в эти широты. Перестала бы ты погружаться!

Сам он не любил подводных приключений – что с него взять – дитя пустыни во многих поколениях. Хотя, что есть пустыня, как не бывшее дно морское?

– Никто на меня не может покушаться, – вразумляла жителя пустынь Алевтина. – При погружении каждый из нас имеет ультразвуковую пугалку, которая отгонит любого подводного злоумышленника. А тебя любой шальной выброс газа

может отравить!

Подобные «заботливые» перепалки происходили у них регулярно, когда нервная система уставала от страха за ближнего.

– Можно, я сейчас к тебе прилечу? – спросил голографический красавец.

– Жду! – радостно воскликнула Алевтина и убежала в свою комнату готовиться.

Вулканологи стояли лагерем в районе Малого Семячика. Это всего двадцать километров. На вертолете, не успеешь причесаться – тут будет. А для нормального самоощущения надо еще столько с собой сделать!

Уолт и Лан, запустив свои аналитические программы, ушли на берег порезвиться. Так что под ногами у Алевтины никто не путался. Она мысленно летела на аладдиновском ковре-вертолете и потому к моменту его посадки была уже готова и прыгала на краю вертодрома.

Пока Алаутдин выбирался из вертолетика, она летела по полю и, как только ноги его коснулись земли, Алька прыгнула на него, крепко ухватившись за шею.

– Алька, мой Алька, – прошептала она ему в ухо.

– Алечка, моя Алечка, – прогудел он ей в ответ.

Несколько секунд их сердца радостно согласовывали ритм биения, а войдя в унисон, разрешили слегка раздвинуться в пространстве.

– Ах, хороша принцесса! – широко улыбнулся он, любуясь

своей избранницей.

– Я должна соответствовать тебе, мой прекрасный принц, – скромно потупившись, как надлежит настоящей принцессе, отвечала она. – Не угодно ли отведать нектара с амброзией?

– Ох, угодно! – возопил он, потому что весь полет мучился жаждой, но не хотел ее утолять, дабы принять чару из ее рук.

– Пошли в дом, – потянула она его за руку, и они побежали, смеясь и радуясь жизни, молодой и полной сил и чувств.

Алевтина зачерпнула полный ковш ягодной настойки и протянула Алаутдину. Он выпил вкуснящий напиток, закрыв глаза от удовольствия.

– Еще? – спросила она, когда он посмотрел на нее.

– Нет, спасибо! Теперь те...

– А теперь мы пойдем в мой лес, – перебила она, – в наш лес. Ты не очень устал?

Она сама не понимала почему, но ее неудержимо тянуло на природу, когда они встречались.

– Совсем не устал! – засмеялся он, чувствуя ее приподнятое настроение. – После вонючих вулканов лес то, чего жаждет душа и тело. Ты меня каждый раз будто воскрешаешь, уводя в свои любимые заросли.

– Ну да, – серьезно согласилась она, – воскрешаю... Для вечной жизни.

– Так ты не принцесса, а богиня! А я-то думаю, в чём де-

ло?.. Пошли скорей! – протянул он ей руку.

Алевтина вскинула на плечо небольшой рюкзачок и вручила свою руку Алаутдину. Когда они вышли на крыльцо, дом включил маячок на ее индивидуальном браслете. Его можно было снять только по коду, который выдавал дом, поэтому у его жителей было очень мало возможностей потеряться под надзором спутниковой системы. Он же и Уолту с Лан сообщит, где она.

За ними увязался громадный белый пес, абориген и хранитель этих мест. Говорят, что он с самой Даной дружил. Кажется, ее полное имя Даниэла, но для всех она Дана. Ясное дело, что это мог быть только далекий предок того пса, потому что Дана здесь жила еще до Пробуждения. Она спасла народ Японии (не только Японии, но и всего Дальнего Востока) от гибели, вовремя предсказав глобальное тихоокеанское землетрясение и дав возможность эвакуировать большинство жителей из зоны риска. С тех пор в годовщину этой катастрофы японские паломники прибывают сюда, пускают в океан плотики из цветов и горящих свечей, следят, как они уплывают и, наверное, душами сливаются с Даной. И никто даже до Пробуждения не требовал от них въездных виз. Так Президент распорядился, когда президенты еще были. Он же объявил Жупановские территории вечным заповедником и местом жизни Даны. Она тогда уже перестала быть только человеком, а кем она была, никому знать не дано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.